

Татьяна Чебатуркина

ГОД ВОДОЛЕЯ

Татьяна Чебатуркина

Год Водолея

«Издательские решения»

Чебатуркина Т.

Год Водолея / Т. Чебатуркина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857457-3

«Почему невозможно постоянно быть вместе? Зачем они сами нагородили эти сложноподчиненные предложения, горы из причин, постоянно разделяющих их судьбы так жестоко? Ведь любовь — это огонь, подарок небес, который нужно заслужить, завоевать! И, самое главное, убедиться, что невозможно прожить друг без друга даже несколько дней. А иначе — холод и равнодушие любимых глаз, неизбежный разрыв, замороженные сердца». Жизни главных героев складываются так, что им приходится пересматривать свои идеалы.

ISBN 978-5-44-857457-3

© Чебатуркина Т.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. ПРОБУЖДЕНИЕ	6
Глава 2. СТРАННЫЙ СОН	9
Глава 3. ГОРОСКОП ДРУИДОВ	13
Глава 4. ПРОВОДЫ В АРМИЮ	18
Глава 5. РОКОВОЕ ПИСЬМО	20
Глава 6. ОТ ПРОШЛОГО НЕ УБЕЖИШЬ	23
Глава 7. ТЕТЯ ЛЮБА	27
Глава 8. ПРАКТИКАНТ	30
Глава 9. ЗНАК ВОДОЛЕЯ	34
Глава 10. НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ЖИЗНИ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Год Водолея

Татьяна Чебатуркина

Иллюстратор Наталья Викторовна Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2017

© Наталья Викторовна Ананьева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-7457-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

«Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом».

Пифагор

*«Не делай зла – вернется бумерангом,
Не плюй в колодец – будешь воду пить,
Не оскорбляй того, кто ниже рангом,
А вдруг придется что-нибудь просить.
Не предавай друзей – их не заменишь,
И не теряй любимых – не вернешь,*

*Не лги себе – со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаешь».*

Омар Хайям

*У мудреца спросили: «Сколько видов дружбы существует?»
«Четыре», – ответил он. «Есть друзья, – как еда, – каждый день
ты нуждаешься в них. Есть друзья, как лекарство, – ищешь их, когда
тебе плохо. Есть друзья, как болезнь, – они сами ищут тебя, но есть
такие друзья, как воздух, их не видно, но они всегда с тобой».*

Глава 1. ПРОБУЖДЕНИЕ

Злата очнулась от легкого забытья в полной темноте, когда в костре на ночной поляне вдруг выстрелила салютом в звездное небо какая-то пересохшая коряга. В палатке было тепло и пусто. И странная нега спокойствия и неведомого ранее блаженства, какая-то невесомость непривычно обнаженного тела под легким пледом в замкнутом пространстве за выгоревшими брезентовыми стенами, в отдалении от людей, под сенью огромных, не спящих тополей, на берегу неторопливой степной реки.

Валерий приехал из Москвы в середине июня после обеда без предупреждения на незнакомой спортивной машине, когда Злата готовилась к последнему экзамену. Ольга с отцом уехали с утра в Саратов на поиски выпускного платья, тетя Люба была на работе, Вовочка – в детском саду.

Вошел стремительно, обхватил сзади за плечи вместе со стулом, шепнул в ухо:

– Не ждала? Я приехал, как обещал! – выхватил из-за стола и зажал в нетерпеливом объятии, торопясь, жадно припал к губам. И Злата не успела приготовиться к обороне, чтобы оттолкнуть непримиримо и высказать все, что накопилось за долгие месяцы вынужденной разлуки, обидное, перекипевшее в душе после расставания тогда, в Москве.

Этот плен в руках взрослого, какого-то незнакомого, изменившегося внешне Валерия, неожиданно появившаяся слабость и внутренний трепет отозвавшегося на ласку тела, чувственность, пролившаяся, как майский дождь, затмили сознание.

– Злата, я больше без тебя не могу! Прости за молчание! Но мне нужно было самому с собой разобраться! Давай убежим от всех подальше, пока мать и вся наша семейка не явилась! Нам нужно с тобой серьезно поговорить! Вдвоем, наедине!

Злата, откинувшись в сильных руках, отрицательно покачала головой.

– Ах, ты так! А теперь? – и он опять впился в губы, и Злата вспомнила, как в конце января, на чужой квартире она сама попросила Валерия: «Поцелуй меня по-другому, как свою

жену!». В присутствии друзей у нее тогда тоже закружилась голова, и стало нестерпимо жарко, словно перегрелась беспечно на солнышке. Но сейчас желание принадлежать именно этому мужчине, сбросить одежду, слиться с ним в одно целое стало таким нестерпимым, что она испугалась и своего безрассудства, и жара чужого тела, и его явного превосходства.

И она согласно кивнула головой.

– Злата, возьми с собой вещи на сутки, как будто идем в поход! Купальник, куртку, а я соберу все остальное! Через десять минут выезжаем, пока нас не засекли!

Она стояла у калитки и смотрела, как Валерий быстро, по-военному забросил в багажник отцову старую двухместную палатку, удочки, котелок, сумку с продуктами, старое ватное одеяло, рюкзак, ее спортивную сумку.

Они кружили по пустынным пыльным дорогам больше получаса, пока не оказались в таком забытом богом месте, где река отрезала кусок векового разросшегося леса в виде полуострова. А весной, разливаясь, вода прорывалась по низине, заросшей жесткой травой, и очерчивала высотку, как остров.

– Жалко, Злата, что мы с тобой учились в разных классах, и ни разу вместе не были в походе! Пошли, поставим палатку, а потом – на рыбалку! Будем уху варить!

Эти четкие команды Валерия, освоение нового места под жилье, маскировка машины в кустах постепенно успокоили взбудораженное желанием тело, и Злата, отмахиваясь от назойливых комаров, торопливо собирала сухие сучья, разжигала костер, таскала в палатку вещи.

– Злата, иди сюда! – позвал Валерий от реки. – Смотри, какая красота! Решено! Остаемся здесь на неделю! К черту экзамены и твой выпускной! Согласна? Вдвоем на необитаемом острове!

Он притянул ее к себе за плечи, рассматривая вблизи, а она видела перед собой его серьезные карие глаза, высокий лоб, широкие брови, короткий, немножко с горбинкой нос и, главное, тонкие губы большого рта, которые, приблизившись, грозили лишить ее последней попытки сопротивления.

Июньская жара осталась над кронами взметнувшихся великанов, и видимые солнечные лучи чертили на зеленых островках пробившейся травы какие-то геометрические фигуры. Река никуда не торопилась, утонув в зарослях прибрежного камыша. С высокого берега к самой воде пробиралась утоптанная рыбаками узкая дорожка..

Чаепитие, рыбалка, неожиданно богатый улов рыбы, уха на костре – они потеряли счет времени и не успели в своем уединении под деревьями проводить солнце на покой.

– Валера! Позвони скорее своей маме и скажи, чтобы меня не искали! – Злата накинула куртку на плечи, удивившись, как Валерий послушно выполнил ее просьбу. Оживление первых часов заселения прошло, и Злата все чаще ловила на себе взгляды присмирившего Валерия, словно он уже начал сожалеть о торопливости своего решения.

«Ничего, в машине поспит», – подумала она, пока Валерий уговаривал тетю Любу не беспокоиться.

Потянул северный ветерок, разогнав мгновенно спрятавшихся комаров. От воды поднимались волны тепла, заливая остывающую землю легкими клубами прозрачного тумана. Золотая полоска на западном краешке неба обещала утром ветреную погоду.

Пока ели испеченную в костре картошку, перемазались сажей и золой:

– Злата, пошли, искупаемся, пока не стемнело!

Она передела в палатке купальник, удивившись, когда это Валерий успел застелить старое ватное одеяло белоснежной простыней и пледом, подложив под голову рюкзак.

Вода приятно поразила принятым днем теплом. Они поплыли против течения рядом, наперегонки. Валерий, конечно, обогнал, вернулся, плывя на спине, сказал тихо:

– Если бы ты только знала, как я люблю тебя, Златочка!

Эта необычность признания наяву, рядом, на фоне вековой царственной природы, в воде, где чувствуешь себя необыкновенно сильной, гибкой, как рыба, поразила, и Злата в растерянности толкнула Валерия ко дну. Он вынырнул, и вдруг притянул ее за руку к себе:

– Злата, я хочу тебя здесь и сейчас! Поплыли к берегу!

Он вынес ее на берег на руках, и опять она обнимала его за шею, как когда-то на проводах в армию. Сдернул с куста большое полотенце, легко вбежал по тропинке.

Каждая девчонка, повзрослев, начитавшись любовных романов, в ночных улетающих мечтах представляет, краснея, заочно свою первую близость со своим первым мужчиной.

Но этот природный зов крови ошеломил обоих. И Валерий вдруг оказался таким неожиданно близким и родным, когда накрывшая их с головой нежность прикосновений вылилась в неумную страсть обладания. И без всякой тренировки тела оказались способными чувствовать даже малейшую просьбу друг друга и мгновенно реагировать, чтобы доставить другому непередаваемое наслаждение. И легкая боль потонула в потоке благодарных поцелуев, которые ее тело требовало взамен, чтобы забрать всю силу любви себе сейчас, словно не веря, что может быть повторение.

– Как хорошо, что у палатки темные, не просвечивающиеся стенки, – мелькнула осторожная мысль, когда Валерий, отдохнув рядом, оделся в темноте и, не торопясь, выбрался на свободу. – А вдруг кто-нибудь сюда забредет?

Она окунулась в призрачную черноту вокруг, отдыхая и постепенно успокаиваясь, удивляясь вновь ненасытности своего юного тела, оказавшегося вдруг таким подготовленным природой для продолжения жизни, наполненным способностью любить и переполнять любовью своего партнера.

Валерий вернулся где-то, через час, спросил:

– Ты спишь, моя девочка? Не могу без тебя! – он разделся и, отдернув плед, начал губами и ладонями исследовать в темноте теперь уже полностью принадлежащее ему сокровище. И опять молодые тела переплелись в невозможном объятии, позабыв обо всем на свете, что волнует человечество, когда оно просыпается утром, освобождая свои мысли от ночной страсти.

И когда Валерий заснул, тесно прижимаясь к ней под одним пледом своим разгоряченным телом, Злата стала вспоминать....

Глава 2. СТРАННЫЙ СОН

Ночь за открытым окном – это мир заколдованной, когда-то потерянной и неожиданно найденной шкапулки со своими шорохами и звуками, запахами и страхом.

Злата в одном фантастическом романе прочитала, как была изготовлена специальная кровать, и через многочисленные датчики исследователи официально зафиксировали потерю веса спящего человека, когда его душа парила, оставив тело на какие-то мгновения.

Она тоже ждала ночи, чтобы в полной темноте, свернувшись в удобной позе на правом боку на своем старом диване, мысленно повторить шаг за шагом прожитый день и найти в нем крупницы счастья и удовлетворения.

Жизнь была как разворот газеты «Аргументы и факты» – понемногу обо всем. Если бы попыталась представить графически все заморочки дня, то картинка броуновского движения частиц наиболее понятно объяснила бы всю бестолковость ежедневного существования этого индивидуума Златы Тополевой, ученицы теперь уже десятого класса средней школы.

И ведь никто не скажет, кроме самой себя: «Угомонись! Займись стоящим делом!». И в дневнике – о ничего не значащих поступках, просто календарь улетающих беззаботно дней, недель, месяцев. Хорошо, что уже экзамены позади. Каникулы, живи и радуйся!

И вдруг этот странный сон уже под утро, когда погасли уличные фонари, и в крошечной тьме шуршали изредка на асфальте шины неугомонных машин, наезжающих своими испуганными слепящими фарами на заборы и деревья сонного переулка.

И в свете отблеска услужливых звезд в холодной вышине вдруг тихий, но настойчивый стук в коридорное окно у входной двери. Темень. Отец уехал, но так и не сделал наружную лампочку во дворе над крыльцом, чтобы она включалась в доме

Из-за духоты все двери в комнатах нараспашку, чтобы сквозняк прогнал устоявшуюся дневную жару хотя бы ночью. Мать и сестренки уехали на день рождения в соседнее село к знакомым.

Прошла на цыпочках не дыша, прижалась к стене. Злата чувствует, что кто-то там, во дворе стоит и смотрит снаружи сюда, в дом и больше не стучит, молчит. И ей страшно отодвинуть старую тюль и посмотреть во мрак.

Она стоит долго, замерзли ступни, коленки, дрожь начинает пробегать по спине. И от пристального взгляда в темень она вдруг различает два темных силуэта и замирает, не шелохнувшись, от страха.

И вдруг резкий удар тяжелым предметом по наружному стеклу, и бьющий в тишине звон осыпающихся осколков. И снова тишина. И на фоне постепенно светлеющего неба – пустота. Там, за окном никого нет. И только, как зубы неведомого чудища, торчат оставшиеся, сверкающие металлом, острые, не вылетевшие осколки. И нетронутое, сохранившееся целое внутреннее стекло, и такая слабая защита – скромный кусок пожелтевшей на солнце старой тюли...

Она проснулась от холода, прикрыла створку маленького окна в своей комнате, соображая, где сон, где явь, потом надела тапки и вышла в коридор. Заставила себя отодвинуть тюль. Окно было цело, а на подоконнике снаружи сидел и просился в дом старый рыжий кот Васька. Потрогала крючок на двери. Все было закрыто. Чертовщина! Она же явно слышала звон разбитого стекла с его остро жалающими осколками.

Июньское солнце висело уже на верхушках тополей за рекой, прокатившись по дуге выцветшего неба, а грядки политого вечером огорода, словно подталкивали поднявшиеся заросли помидоров, перца, баклажанов вверх: растите быстрее. Никаких следов на мокрой земле под окном не было.

Облегченно вздохнула, присела на ступеньки крыльца, но тот час же вскочила, забежала в коридор, потеряв тапок, закрыла дверь опять на крючок.

Точно такой звон разлетевшихся вдребезги оконных рам она запомнила тогда ночью, в их старом доме на кордоне в промозглую осеннюю хлябь, когда неизвестные открыли пальбу из охотничьих ружей по темным окнам спящего дома.

– Огонь не зажигай! – голос отца был такой злой, нетерпеливый, что они с сестренкой Машей спрятались с головой под одеяло, но и тут их достал голос отца. – Анна, детей на пол, а сама с ружьем быстрее в сенцы! Держи входную дверь под прицелом! Быстрее пошевеливайся!

Девочки, никого не дожидаясь, сами шмыгнули в спасительную темноту, стукнувшись больно о металлические ножки высокой старинной кровати, куда за ними свалилось большое стеганное ватное одеяло. Под кроватью было не страшно. Наверху продолжалась стрельба, доносились мужские крики с матом, редко отвечал карабин отца. Потом все стихло.

Отец заглянул минут через пятнадцать, спросил:

– Испугались, куклы? Полежите пока смирно, а я мамой займусь. Подранили нашу маму бандиты! Немножко вам надо потерпеть, – он вытянул их, раздетых, в одних коротких рубашонках, уложил в холодную кровать, укрыл двумя одеялами.

Ветер уже успел выхолодить из дома все тепло, и теперь размахивал полотняными шторами, словно кого-то прогонял или звал посмотреть, какой беспорядок в комнатах оставила после себя эта страшная ночная стрельба.

Не зажигая свет, отец перетянул ремнем выше локтя у плеча руку раненной жены, посетовал:

– Как же ты не убереглась? Всего три выстрела, сволочи, через дверь сделали, а тебя чуть на тот свет не отправили! Но, мне кажется, я тоже кого-то отметил. Завыл по – волчьи! Нельзя нам до утра из дома выходить, по одному перестреляют, раз на такое решились, поганцы!

Рассвет долго не наступал. Угрелись под одеялами, уснули незаметно, хотя по-прежнему было жутко – вдруг опять начнется стрельба.

Утром приехали на машине милиционеры, осмотрели весь двор, долго считали следы выстрелов на потолке, стенах, мебели. А потом приказали собирать детей в райцентр, в интернат, пока мать будет в больнице. Отца арестовали, сразу по приезду надели на запястья наручники.

Мать одной рукой накинула щеколду, закрыла бесполезный замок на ключ, выдохнула:

– Чтоб сюда нам больше никогда не возвращаться!

Милиционеры молча отвернулись. И только в интернате Злата услышала, как разговаривали нянечка с воспитательницей:

– Убил Тарас, отец девочек, сына Смирновых наповал. Теперь ему точно тюрьма до дней последних светит! И никакой суд не посмотрит, что он свою семью защищал! Деньги большие на адвокатов нужны, а какие у них деньги – Анна в больнице медсестрой работает, а Тарас – лесник простой.

Председатель сельского совета приказал сбить доски с окон и двери брошенного старенького домика в селе на окраине, хозяева которого умерли летом, а наследники так и не появились, спустя положенные полгода. Директор лесхоза помог перевести с кордона мебель, вещи, тележку напиленных и порубанных дров, пока мать постепенно училась делать всю домашнюю работу одной левой рукой.

Она работала в больнице только днем. Утром отводила Злату в ее второй класс, Машу – в детский сад, а вечером тщательно проверяла все запоры на дверях, клала на табуретку большой железный колун. И винтовку, и карабин отца забрали в милицию. Если подходило время ночного дежурства, забирала девочек с собой в больницу.

Даже заведующий больницей однажды тихонечко шепнул, задержав после пятиминутки:

– Ты, Анна, поостерегись ночью. Эти ироды Смирновы никак не утихомятятся. Грозятся отомстить Тарасу за своего придурка. Лучше бы вам отсюда уехать куда-нибудь в большой город, чтобы они вас там не нашли. Как там дела у Тараса? Когда суд будет?

Суд был открытый. Судья, высокая немолодая женщина, в течение трех дней расставила все точки над «и». Решение было неожиданное для многих сельчан, потерявших веру в справедливость в реалиях наступившего безвластия в районе, зависимости от местных торговцев лесом: «Тарас Тополев не виновен».

Его отпустили прямо в здании суда, засчитав полгода, проведенные в тюрьме. И хотя адвокат Смирновых, срываясь на крик, грозил пересмотром дела, отстранением судьи от должности, мать твердо сказала:

– Больше нас там, в деревне, никто не увидит!

И, наверное, сам Тарас удивился энергии своей жены, когда она отвела и оставила мужа с девочками в семье знакомого шофера райпотребсоюза, который регулярно привозил товары в село, был страстным охотником, рыбаком и пропадал на кордоне все отпуска. А она наняла в городе машину, уехала в село и ночью вернулась с документами и узлами вещей. Рано утром они отбыли на московском поезде. И поиски Смирновых оборвались у железнодорожной кассы – билеты были взяты до Москвы.

Два брата Смирновы были из местных, коренных. Их предки переселились из Тамбовской губернии в середине девятнадцатого века в поисках вольных земель.

Братьям удалось и при советской власти пожить хлебно, заведую, один – местным захудалым колхозом, другой – лесопильной артелью, которую в народе называли «шарашкой».

Перестроечная круговерть подтолкнула не растерявшихся, осмелевших братьев, развязала им руки, позволила забыть такие понятия, как «совесть», «порядочность». Леса вокруг было в избытке. И братья развернулись.

Желающих пожить по – крупному на всех этажах власти хватало. Только нужно было их аккуратно выявить, раскрутить, подкормить, и, самое главное, запустить в дело, чтобы все колесики – от рядовых лесников, заготовителей, перевозчиков леса до оптовиков и железнодорожников – исправно выполняли свои обязанности, получали свои гроши, подписывали нужные документы и, главное, помалкивали.

К верхнему эшелону был индивидуальный подход.

Не обучавшиеся в высших учебных заведениях основам маркетинга, после окончания сельскохозяйственного техникума оба брата штудировали купленный в книжном магазине сборник, больше надеясь на свои природные способности, жизненный опыт и знание многих людей в районе.

Молодого приезжего лесника Тараса Тополева, когда он начал со временем выкаблучиваться, выступать, хамить старшим, несмотря на предупреждения, потом угрозы, решили немного поугрожать. Соберет свои вещички – скатертью дорожка, своих местных, послушных вокруг много.

Пошли ночью четверо надежных – единственный сын старшего брата, Самуила Афанасьевича, Сергей, сын младшего брата, Григория Афанасьевича, Николай, и егеря Константин с сыном Романом. Приказ был однозначный – расстрелять по окнам дома лесника всем из своих карабинов по дюжине патронов. Если кого и зацепят из семьи, потом оправдаются – свои люди были и в милиции.

Еще затемно, под утро привезли на вездеходе уже заочневшее тело убитого Сергея, внесли в зал, положили на нарядный кожаный диван, включили верхний свет, и у Самуила Афанасьевича случился инсульт. Когда егеря Константин, правая рука хозяина, вышел вперед, загораживая растерявшихся у двери молодых людей, и пробормотал глухо: «Сергея не убергли», Самуил Афанасьевич резко сбросил на пол расписной, корейский плед, сделал рывок, хотел спрыгнуть с высокой двuspальной кровати, но так и остался сидеть, опустив босые,

волосатые ноги на пол, словно передумал вставать в такую рань, и только указывал пальцем на дверь, мычал что-то бессвязное. А потом повалился кулем назад, навзничь, безобразно выпятив толстый живот в широких, полосатых, семейных трусах. Мычанье перешло в жуткий, животный, непрекращающийся вой: «А-а-а!»

Зато мать Сергея, Мария, в ночной рубашке, растрепанная, седая, все поняла сразу. Она слетела с кровати, в полумраке зацепилась босой ногой за шерстяную дорожку, упала на порог спальни и на коленях поползла через зал к дивану, шепча: «Сережа! Сереженька! Вставай, сынок! Видишь, какая у тебя мать неуклюжая! Помоги, родненький! Вставай скорее!»

Через десять минут сын егеря Роман притащил заведующего больницей, который был и терапевтом, и хирургом в одном лице. Тот, глянув с порога на диван, кинулся спасать хозяина дома, который хрипел на кровати, всадил ему несколько уколов, поняв, что молодому Смирнову его помощь уже не нужна.

Самуила Афанасьевича откачали. У него отказала полностью правая сторона тела. Он не мог говорить и лежал смирно, уставившись глазами в какую-то точку на потолке, ничего не ел и не пил, не реагировал на уколы и вопросы, испражняясь прямо на чистые простыни. Ему постоянно меняли системы с витаминами, но побоялись везти по разбитым дорогам в осеннюю распутицу до районного городка.

Когда через два месяца Самуила Афанасьевича стали усаживать, обложив подушками, как младенца на кровати, он мычал что-то не понятное, шевелил пальцами левой руки, словно пытался что-то объяснить бессловесно, но потом беспомощно затихал, экономя и собирая силы до следующего раза.

В дом взяли прислугу – молодую, крепкую одинокую бабенку, которая торговала на рынке, чем придется. И теперь только ее громкий голос, безразличный к страданиям и трауру, цепко носился над дорогими коврами, импортной мебелью, забываясь постепенно в складки тяжелых гардин.

После похорон Сергея его мать Мария тоже, словно потерялась в своем огромном доме. Молча бродила по бесконечным залам, иногда стояла в дверях спальной комнаты, безучастно смотрела, как подмывали ее мужа, меняли ему белье, потом поворачивалась и уходила в кухню. Ставила на электрическую плиту чайник и забывала про него, хотя своим отчаянным свистом он умолял, чтобы его выключили.

Первыми словами, которые, наконец-то, через три месяца разобрали из бессвязной речи Самуила Афанасьевича его брат и племянник, была явная угроза: «Найди эту сволочь и убери!»

Младший брат, Григорий Афанасьевич, согласно закивал головой: « Не беспокойся, брат, все сделаем, ты нас знаешь!», но потом дома сказал старшему сыну:

– Найти Тараса в Москве вряд ли удастся сразу. Через год, если у него там что-нибудь получится с пропиской, можно будет поискать. А так – пустая трата и времени, и денег! Надо в селе покараулить, поспрашивать у знакомых Тополевых, с кем они дружили, общались, вдруг пришлют письма, какие поздравления случайно. Жаль, что у них здесь родни нет никакой. Да, точно, надо про них узнать: откуда родом, где родители? Ты, Николай, этим здесь, в районе займись! А Антону сподручнее будет в Красноярске пошарить, пока он там на учебе старается! Хоть какой-нибудь толк от него будет, правдолюба паршивого! Если Самуил отойдет, поправится, он от нас не отстанет, я его хорошо знаю! Поищи, Коля, старательно, особенно в больнице расспроси! Непростая у Тараса была жене, эта Анна! Женщина с характером! Вон даже наш Антон в нее был влюблен! Нужно узнать, откуда она сюда приехала на работу, где училась, с кем дружила. А потом возьмем ее родителей за жабры. И в Москве разыщем, если повезет!

Глава 3. ГОРОСКОП ДРУИДОВ

Злата тогда смутно запомнила Москву, переезды с одного вокзала на другой, ожидание на жестких неудобных лавках, потом сквозняки на верхней полке в поезде, когда оглушал шумом и свистом внезапно проносившийся встречный товарняк. И, как постепенно светлел горизонт, словно куда-то разбежались и попрятались за пригорки густые лесные массивы, оставив просторы распаханых полей и весеннюю зелень расцветающей степи.

На каком-то глухом разъезде все бросились к окнам – рядом с одноэтажным старым зданием вокзала времен строительства железной дороги был привязан настоящий живой верблюд, терпеливо дожидавшийся своих хозяев и равнодушно поглядывавший на легкую суматоху у вагонов. Он был такой важный и независимый, этот житель пустынь, что мать ужаснулась:

– Господи, куда нас нелегкая занесла? А Лида говорила, что тут Волга и поля нетронутых тюльпанов!

Волгу во всей красе они увидели после Саратова. Поезд, долго пробиравшийся мимо огромных дымящихся заводов, нефтеналивных баков, горящих факелов химкомбината, выскочил на простор прибрежной полосы с многочисленными притонами рыбацких лодок, свежего беспокойства манящей громады водохранилища, с невиданным размахом такого хрупкого среди зеленовато-черных волн и течения гигантского железнодорожного моста. Когда глаза сами закрывались от мысли, что, если наш неторопливый поезд вдруг спрыгнет, сорвется с такой сумашедшей высоты вниз?

А отец смеялся, чистил внизу, на столике купленных на станции вареных раков, протягивал им наверх раковые шейки, которые, оказывается, были раковыми хвостами:

– Ну, что, путешественницы, половину страны проехали, может быть, дальше поедem, до самого синего моря?

А они с сестренкой отрицательно качали головами:

– Нет, мы хотим домой!

Злата очнулась, когда у калитки раздался пронзительный голос Ольги:

– Златка, ты там живая? Спишь до обеда! На тебя мою мамку надо насрать! Уже давно бы в огороде все грядки с картошкой пушила! Злата, да откроешь ты, наконец, свою калитку, или мне через забор перелезть придется?

Злата откинула крючок, взяла ключи и стала открывать замок, на который закрывалась старинная, еще с дореволюционных времен хорошо сохранившаяся дубовая калитка. И, что интересно, закрывалась не снаружи, с улицы, а именно со двора, изнутри на тяжелую металлическую шеколду.

– У нас укрепления во дворе, как на случай обороны, – смеялся отец, а мать качала головой:

– Не любили гостей бывшие хозяева, вот и прятались за высокими заборами.

Ольга поставила на край кухонного стола тарелку с аппетитными пирожками, потянула Злату за край косы:

– А все-таки ты, моя подружка, – красавица! Не то, что я, – рыжая, широкая, коренастая! Где у наших пацанов глаза? Ешь пирожки, пока горячие! И приходи к нам сегодня вечером в девять часов на проводы.

Валерку забирают завтра утром в армию. Приехал на каникулы из своего института, а вчера принесли повестку. Мать в расстроенных чувствах, а куда деваться? Валерка знал, что его заберут, но не думал, что так быстро. Приходи, подруга, обязательно. Он ведь тебе давно нравится, хотя у моего братца что-то ни с кем ничего путного не получается. Несерьезный товарищ!

Ольга убежала. Злата откусила приличный кусок горячего пирожка, остановилась перед зеркалом в прихожей, разглядывая свое отражение:

«Мать, конечно, будет против, скажет: „Рано тебе на попойки по ночам ходить“. Но я все равно пойду. А, может быть, и не пойду. Уродина! Где мне с моим римским носом на половину лица, с этими косичками-хвостами, с упрямо надутыми губами с Валеркиными одноклассниками равняться? Все они вечером на Валерку вешаться будут, а меня Ольгина мать припашет мыть посуду и со стола убирать. Решено. Никуда не пойду».

В почтовом ящике торчал край письма. Вытерла жирные руки полотенцем, схватила конверт:

– Ура! Письмо от отца из Москвы! Давно не писал, мать расстраивается. Заставлю ее барыню танцевать, когда вернется из гостей! Письмо со вчерашнего дня лежит. Сегодня воскресенье, никто не работает. Что новенького у папки?

Через секунды она поняла, почему сегодня приснился такой странный сон. Лучше бы это письмо где-нибудь по дороге потерялось. Вывалилось бы из почтового мешка под колеса проходившего поезда, и только мелкие обрывки разлетелись бы по придорожным кустам, а они с матерью и сестрами жили бы спокойно, как раньше.

Отец написал ровно и решительно, без всяких вывертов:

«Дорогие Аня и девочки! Простите меня, если сможете, но больше я ничего скрывать не хочу. У меня теперь другая семья. Месяц назад родился сын Володя, мой наследник, о котором я давно мечтал. Я вас не брошу, буду помогать, присылать деньги, как и раньше. Но мне нужен развод. Аня, ты меня всегда понимала. Не нужно мне было ехать на эти проклятые заработки, жил бы с вами, сохранилась семья. Простите, мои дорогие. Ваш папа».

«Господи! С ума сошел, что ли в своей Москве? Что мне делать? Порвать это письмо к чертовой матери? Или запрятать куда-нибудь подальше? А что толку прятать письмо, если все так серьезно. Отец ведь сам приедет, чтобы оформить развод. И тогда удар матери точно будет наповал. „Не пишет, заработался, бедненький, все переживают“! А тут измена! Сынок ему потребовался, наследник! А мы, девчонки, значит, ему теперь, как товар низшего качества, – не нужны! И мать тоже теперь не нужна! Как все легко и просто! Живете в своей глуши и радуйтесь! „Деньги он будет присылать“! На меня мать у него пусть даже копейку не берет! Променил нас на свою Москву! Предатель!»

Она так разозлилась, что даже не заплакала. И сидела с письмом в руке на крыльце, когда в калитку зашел Валерка:

– Привет, Злата! Ты придешь вечером меня проводить?

Вот кого она не ждала, так это его! Соседа по улице, брата Ольги, свою первую любовь еще с восьмого класса.

Это время она никогда не забудет. Записалась в школьный экологический кружок, хотя из восьмиклассников взяли только ее одну. Стали готовиться к вечеру. Пропадали часами в актовом зале, переделывали песни, сочиняли сценки, чтобы удивить учителей и старшеклассников. Докладами и даже фотогазетами, понятно, никого особенно на вечер не заманишь. Нужно было придумать нечто такое, чтобы все ахнули. Воспоминания о чудесном летнем времени каникул еще не испарилось в нудном однообразии школьных занятий, и ей, Злате, удалось набросать сценарий, который всех раззадорил и удивил.

Подготовку вели в совершенном секрете от всех непосвященных, даже от учителей. Вечерами делали макет березы, укрепив на подставке засохший ствол, на который клеили вырезанные бумажные желтые и зеленые листья, собирали нужный реквизит. Проводили анкетирование по классам. И, когда ей достался выпускной одиннадцатый класс, начала вдруг от растерянности мычать перед старшеклассниками, чувствуя, что все ее оптимистичные предложения разлетаются безрезультатно от насмешливых взглядов верзил и равнодушного мол-

чания девушек, всем видом показывающих: «Нам это не интересно». И тут положение спас именно Валерий. Он вышел к учительскому столу и сказал:

– Подожди, Злата! Как мы все тебя поняли, тебе нужны ребята, которые умеют: во-первых, играть на гитаре, чтобы выучили переделанные песни. Во-вторых, нужны добровольцы, умеющие водить мотоциклы. Вся подготовка к вечеру у вас засекречена. Парни, кто смелые, останутся в классе, а остальные – до свидания, не смею вас задерживать.

И класс сразу ожил, торопясь после шестого урока и навязанного анкетирования раствориться в пустоте гулкого коридора. Вместе с Валерием осталось пятеро парней. И она, невидная малявка, посвятила их в секретные задумки предстоящего вечера. Идея парням понравилась. Все согласились прийти вечером на первую репетицию.

Они с Валерием одновременно вышли из своих калиток, он ее догнал через три метра, шел рядом, слушал ее болтовню, молчал, ни разу не приколот. И Злате вдруг стало обидно, что у ее подруги – такой классный, высокий, умный старший брат.

Злата стеснялась и сторонилась мальчишек, когда повзрослела. Их игры, интересы, вечные разборки, угрозы, наскоки друг на друга, пустая болтовня, обреченность и фанатизм на футбольном поле, даже осенью по грязи в резиновых сапогах или по тающему снегу в марте, незаметно оставили эту вторую половину класса за невидимой преградой ее равнодушия и безразличия.

На репетиции парни с гитарами быстренько отодвинули в сторону ведущих из девятого класса, тут же придумали и разыграли очень натурально сценки про пьяных браконьеров, пообещали принести настоящие рыболовные сети и вентера. Про мотоциклы никто не проронил ни слова. А после репетиции сели на край невысокой сцены и выдали настоящий концерт из песен Виктора Цоя, Владимира Высоцкого, Юрия Визбора. И тогда технички, не выдержав такого нахальства, пообещали запереть всех в школе и завтра нажаловаться директору. Расхо-дились неохотно.

Злата шла одна по пустынной темной улице, потому что фонари кто-то забыл включить, или линия замкнула, и только один фонарь при ее приближении неохотно, как-то испуганно моргнул, раздумывая включаться, или еще подремать в ночной осенней круговерти ветра и непогоды. Валерий ее догнал. Теперь он рассказывал смешные истории из жизни своего класса, возбужденный прошедшим вечером.

Она поняла, что влюбилась без ума. Известные артисты и певцы были далеко. А Валерий жил через дом, на одной улице и был в тысячи раз интереснее всех литературных героев. В библиотеке случайно попала тоненькая брошюрка «Гороскоп друидов». Дома она переписала ее полностью в свой дневник: «Этот гороскоп – творение друидов – вещей мудрецов древней Галии, которые проводили много лет в размышлении среди лесов. Они утверждали, что каждый человек имеет своего представителя в одной из пород деревьев, с которым он связан днем рождения и чертами характера».

И со своей подростковой непосредственностью она тогда спросила вдруг у Валерия, когда у него день рождения. Тот на секунду замолчал, а потом автоматически ответил:

– Тридцатого апреля. А зачем тебе?

И Злата ответила уклончиво:

– Теперь я о тебе все буду знать.

Валерию подошел «грецкий орех – дерево твердое, полное контрастов. Часто эгоистичен, суров, беспощаден к другим проявлениям. Ему свойственны неожиданные реакции и чрезмерное притязание. Пользуется авторитетом, его уважают, но не всегда любят. Имеет широкий кругозор, всесторонне образован, не отдыхает сам и другим не дает. Прекрасный стратег. Встречаясь с ним, люди рискуют получить или много хорошего, или много плохого».

На экологическом вечере Злата была, как под наркозом в пятом классе, когда сделали операцию по удалению аппендицита. Все понимаешь, что-то сам вытворяешь, и одновременно

видишь себя, словно со стороны. Не совсем удобное состояние автоматического переключения без внутренней ежесекундной оценки. Участвовала в сценке, важно и серьезно ответила на вопрос шуточной анкеты «Кем хотите стать в будущем?»: «Только лесником, как отец». Ей тут же вручили детское игрушечное ружье и на выбор маски зайца, волка и лисы. Она выбрала маску волка. Бегала вокруг искусственной березы за зайцами, не поймала никого. В наказание танцевала польку-бабочку с лисой. Посмеялись этой детской сказочке.

И зал на «Ура!» встретил выступление агитбригады с переделанными песнями и сценками из жизни местных браконьеров в исполнении старшекласников. Но вдруг гитаристы, кумиры местных девчонок, изображавшие трех русских богатырей в мотоциклетных шлемах, после исполнения песен исчезли, а потом въехали в актовый зал на «железных конях» – мотоциклах, загнали свои ИЖИ по ступенькам на сцену и включили зажигание на тридцать секунд. Клубы вонючих выхлопных газов ошарашили всех, особенно учителей, которые кинулись открывать створки еще не заклеенных бумагой огромных окон. Эффект был сногшибательный, хлопали бешено и даже топали ногами от восторга.

Когда начались танцы, Злата забрала на вахте ключ от своего родного кабинета литературы, поднялась по темной лестнице на третий этаж, закрыла дверь на ножку стула и стала смотреть в крошечной тьме через раздвинутую штору в окно.

Внизу, на первом этаже разрывалась музыка, а здесь в окружении шкафов и портретов великих классиков было уютно и одиноко. Ей хотелось, если бы это было возможно, стать невидимкой и увидеть Валерия сейчас в зале или слушать, как он болтает с парнями у боковой стены школы за толстенными тополями, где была известная курилка старшекласников, обсуждавших все последние новости.

Эта влюбленность, закрытость Златы от всех и, в первую очередь, от самого Валерия, потом от его сестры Ольги, от родной матери, которая была очень наблюдательна, оставались лишь в записях дневника. И еще в полетах на крыльях счастья, пока Валерий не окончил школу, и была возможность хоть изредка встречаться на переменах, в столовой, просто на улице, вспыхивая от смущения, если нечаянно, случайно ее замечал.

А потом Валерий поступил в институт. И вот сейчас эта встреча на ступеньках крыльца ее дома с неожиданно взрослым, совсем чужим, превратившимся из стройного худощавого юноши в накаченного спортсмена, новым Валерием, который пришел совсем в неподходящий момент, когда Злата злилась.

Может быть, поэтому не успела смутиться и разглядела модную стрижку, когда жесткие, шапкой волосы подчеркнули высокий лоб, черные широкие брови, карие, с прищуром глаза, короткий, слегка с горбинкой нос, немного выступающую надменно нижнюю губу.

«А ему бы подошли франтоватые короткие усики, переходящие в аккуратную бородку, как у мушкетеров» – неожиданно мелькнула шальная мысль, когда, очнувшись, опустила глаза. – «Наверное, три дня не брился, весь колючий».

– Меня мать к вам за стульями прислала. Пригласили кучу родственников, моих однокласников, гостей, как будто свадьбу отмечать собрались. Отец уперся: чтобы все было, как положено, – гулянка на всю ночь до отправления на вокзал на автобусе. А ты письма от женихов читаешь в холодке? Что пишут?

Злата протянула ему листок. Валерий прочитал первые строчки, глазами пробежал еще несколько раз, а потом до него, наконец-то, дошел страшный в своей безысходности холод безразличных букв, убивавший желание дышать, слышать и видеть их.

– Он что, с ума сошел, твой отец? А мать видела письмо? Златка, как же вы все это переживаете? Да пусть хоть сто наследников на стороне появляются, а семья ведь одна! Не понимаю!

– А что тут понимать? Любовь у них кончилась. Вот и расстанутся. Мне маму жалко. Она так ему всегда верила! Они познакомились в поезде, когда она из Красноярска ехала после окончания медицинского училища в какую-то деревню в глухомани, куда ее распределили,

а он из армии возвращался. Понравились друг другу, отец записал ее адрес, а через полгода приехал к моей маме, устроился лесником в лесхозе, и через месяц они поженились. Вот такой роман получился. Он всегда мечтал о сыне, а мать родила подряд меня и Машу. А когда сюда приехали, у нас родилась Катя. И теперь ему нужен срочно сын, который появился, наконец. Ты, Валера, на меня не обращай внимания. Завтра пойду на работу почтальоном устраиваться. Проживем и без отца! И никому пока ничего не говори, мать и так все село будет обсуждать!

Валерий схватил крепко ладонь Златы, потянул за собой:

– Нечего тут страдать в одиночестве! Пошли, я все равно от тебя не отстану, мне сегодня все можно – особый статус. И еще. Посмотришь, как меня сейчас батя под нолик стричь будет. Вот потеха всем, кроме меня, будет! Такие кадры ты точно не должна пропустить, Злата!

«Сегодня день, точно перевернулся вверх ногами, – мелькнула мысль, когда она послушно пошла за Валерием, – если бы не это проклятое письмо!»

Глава 4. ПРОВОДЫ В АРМИЮ

Столы накрыли на площадке перед гаражом. И еще засветло начали собираться гости. Калитку во двор к Злате не закрывали, принесли все тарелки, ложки, вилки, стаканы, все табуретки и стулья, а родственники все подходили. В холодильник отец Валерия умудрился уложить почти все бутылки из ящика водки. Но в погребе остужались еще две трехлитровые банки с самогонкой.

И Злата с ужасом представила, какой утром вид будет у Валерки и его друзей, у других ребят, которых соберут со всего района работники райвоенкомата и отправят на автобусе на станцию. Как почти всех будущих солдат будет выворачивать наизнанку смертельная смесь водки и самогонки. И вид, и настроение у всех будут далеко не радостные. И как побегут за тронувшимся автобусом девчонки и парни, у которых новые проводы еще впереди.

Когда начались первые тосты, Злата потихонечку, чтобы ее уход не заметила Ольга, отправилась к себе. С недоумением опять посмотрела на целое окно, не стала закрывать калитку, – вдруг снова соседям что-нибудь потребуется.

День угас незаметно в хлопотах и суматохе. Над селом повисла такая расслабляющая тишина и не спадающая июньская жара, когда все тело, словно обернули непромокаемой жесткой бумагой, и спасение придет только под горячим душем в узенькой деревянной кабинке с канистрой на крыше от какого-то списанного комбайна или в речке.

Было полнолуние. Серебро бесцветного неба с огромной нереальной луной в усеченном конусе прозрачных стенок, с редкими крапинами выгоревших звезд пролилось щедро на пыльную траву, асфальт, дорожки, и заросли деревьев и кустов стали только таинственнее, загадочнее, поглотив этот лунный дождь.

– Злата, можно к тебе? – Валерка появился в калитке так неожиданно, что Злата ойкнула. – Что, напугал?

Он сел рядом, гладковыбритый, в синей бейсболке на лысой голове. От него слабо пахло водкой.

– Уже успел напиться? – нужно было уйти в дом, лечь спать, чтобы в памяти остался образ того утреннего Валерия, расстроившегося вместе с ней после чтения этого короткого и жестокого письма.

– Ты знаешь, я выпил всего одну рюмку. У меня мать – очень умная женщина. Поставила возле меня пустую литровую кружку, чтобы добро не пропадало: «Выливай, сынок, если не захочешь пить, в кружку, а сам изображай, как будто ты свою рюмку уже выпил и торопишься скорее закусить. Будешь завтра нормальным, а гости пусть угощаются».

Злата рассмеялась:

– И кто эти проводы придумал?

– Понимаешь, идея в принципе хорошая. Когда я уехал учиться в институт, то мог в любое время приехать, хоть на день, на два домой, если бы вдруг стало немого. А завтра, нет, уже сегодня, через шесть часов я уеду из родных мест на целых полтора года. И когда вернусь, может быть, уже буду смотреть на все вокруг совсем другими глазами повзрослевшего в удалении от родного села человека. Хочу сейчас попрощаться с селом, с рекой, с нашим лесом. И луна светит, как прожектор. Пойдешь со мной на это прощальное свидание? И восход встретим, как после выпускного, когда нужно успеть загадать желание при первом луче проснувшегося солнца. Пойдем, Злата! Ты меня всегда так хорошо понимаешь!

В дневник об этой ночи она не записала ни строчки. Почему он выбрал из всех именно ее? Потому, что она не мешала ему своей болтовней, боясь даже глубоко вздохнуть в присутствии человека, образ которого мысленно придумывала вот уже столько лет, которому припи-

сывала несуществующие добродетели? И ему перед ней не нужно было рисоваться, строить мужественного супергероя, чтобы произвести только парадное впечатление.

И, вообще, он эгоистично прихватил эту неглупую девочку просто за компанию, чтобы не быть в этом мире призрачного очарования лунным сиянием одному. Она была как товарищ, друг, с которым легко и свободно можно было молчать почти целый час, а можно было вдруг рассказать, как делали налеты на клубничные грядки в огородах у одиноких пенсионеров, как зимой не сумел в узкую лунку вытащить вдруг растопырившую свои жабры хитрую щуку.

Эта прощальная ночь была не похожа на рассветное утро после выпускного, потому что тогда они были как павлины, распутившие друг перед другом фантастические хвосты своего тщеславия, непомерного любования собой, надуманной гордости от своих будущих, но пока не свершенных побед.

С полчаса посидели на теплых, просыпавшихся бетонной крошкой стоптанных ступеньках парадного входа школы. Валерий подтянулся несколько раз на турнике школьного стадиона, и, не сговариваясь, они свернули к реке.

– Злата, ты будешь купаться? – получив отрицательный ответ, быстро разделся и нырнул, появившись на середине заволновавшейся блестящей воды реки.

Не спеша залез по наклонному дереву до привязанного каната тарзанки, раскачался и ушел солдатиком на самом глубоком месте.

А потом пришли на брод, и Валерий, не говоря ни слова, вдруг подхватил обомлевшую, растерявшуюся Злату, и, сбросив свои шлепки, перенес ее на другой берег. Они вскарабкались на крутой берег вовремя, потому что на побледневшем востоке вдруг выскользнул, опередив своих братьев, самый нетерпеливый тонкий луч, а потом и все целиком торопящееся в путь уже горячее солнце.

– Тебя уже, наверное, ищут и беспокоятся, куда ты пропал! – его футболка на плечах и груди была мокрая, шея и руки Валерия были холодными, но Злата вся пылала, когда обхватила, вся дрожа, его за шею, в кольцо сильных рук на обратной дорожке через брод, где воды было выше колен.

У калитки он взял ее за плечи, прижал к себе на секунды, поправил челку:

– Спасибо, Злата, что проводила меня в армию. Пиши мне письма обо всем, что будет интересного. Спокойной ночи!

Он аккуратно закрыл калитку, а она неожиданно сразу заснула, и не слышала, как горланили под баян за ее окнами сонные гости известную песню «Как родная меня мать провожала...»

Глава 5. РОКОВОЕ ПИСЬМО

Рано утром мать вместе с сонными Катериной и Машей привез на своем новеньком «Форде» дядя Саша. И когда выгрузили из объемного багажника и перетаскали в коридор все банки, коробки, бидончики, пакеты – Злата ахнула. Их маленький холодильник с трудом вместит половину привезенных гостинцев от тети Лиды, маминой самой близкой подруги. Придется лезть в погреб, холодный, влажный, с ожившими толстыми коричневыми жабами, невозможных размеров паутиной по углам и вечно шатающейся лестницей.

Письмо лежало в кухне на столе, и мать, возбужденная и веселая, не обратила на него внимания:

– Знаешь, Злата, у Лидии столько клубники уродилось в этом году – все грядки красные. Полдня собирали, потом варенье варили, сок делали. Полночи проболтали. Ты здесь без нас с голоду не умерла?

«Если бы можно было не говорить про письмо? Пусть валялось бы себе на столе, а потом в шкафу, – бесполезный кусок бумаги», – последствий после его прочтения Злата даже не могла себе представить.

– Мама, а вчера у наших соседей, у тети Любы были проводы. Валерия забрали в армию. Мать присела на стул возле стола:

– Господи! А я и не знала! Нужно было им помочь! Пусть у Валеры служба будет успешной. И чтобы войны не было!

И тут она увидела раскрытый конверт:

– Дочь, что же ты молчишь про письмо? Наконец-то, про нас папка вспомнил! Где там Маша? Зовите всех! Как он там?

И тут Злата не выдержала:

– Мама, письмо касается, прежде всего, тебя! Иди в спальную и прочитай сама. Главное, спокойствие!

Чего боялась Злата? Моря слез, возможно, не будет. Мама рыдала всю ночь, когда пришла телеграмма о смерти ее матери. А рано утром заняла деньги у тети Любы. В черном платке, бледная, осунувшаяся, оставила обеих сестер на Злату и уехала на похороны в далекую Иркутскую область. Был конец марта, и Злата побежала к открытию почтового отделения, чтобы дать срочную телеграмму дедушке: « Не хороните без меня мамочку. Приеду обязательно. Анна».

Мать прочитала письмо тут же, в кухне молча, глазами несколько раз подряд. И села опять на свой стул, с которого в радостном нетерпении только что вскочила. И тут сначала задрожали пальцы, в которых она держала листок из записной книжки. Потом эта неожиданная дрожь начала сотрясать все сильнее и сильнее все тело, руки, колени, ноги. Мать уронила листок на стол, сложила руки на груди, словно хотела запеленать себя от неудобства появившейся хвори.

Злата плеснула холодной воды из чайника в чашку, поднесла матери, но та на чашку даже не посмотрела.

– Возьми себя в руки и не пугай девочек! Только инфаркта нам не хватает! – Злата проговорила эти жестокие слова, только чтобы привести мать в чувство, пока девчонки бегали во дворе с маленьким кутенком, которого привезли от тети Лиды. – Проживем мы без него, мамочка! Успокойся, пожалуйста!

Мать встала со своего стула, подошла к окну, потом к входной двери, опять к столу, схватила письмо, уронила его на стол и опять стала кружить по кухне, не проронив ни слова. Наверное, ей просто нужно было вырваться на простор, взмахнуть от безысходности руками, словно крыльями, взлететь от обиды и увидеть эту начинающую выгорать степь, петляющую

в зарослях камыша речушку, за которой бежали, не отставая, доверившиеся ей густые тополя и ярко зеленеющие кустарники, свободное от тревог и беспомощности голубеющее небо.

– Я завтра утром уеду в Москву. А ты посмотришь за девочками, понятно?

– Зачем? – Злата вдруг поняла, что никогда не сумеет простить отца именно за эти минуты, когда мать в отчаянии на ее глазах хотела улететь из этой кухни туда, где была счастлива, молода и любима. Но после этого проклятого письма – выстрела в сердце – ей стало понятно, что возврата к прошлому уже больше нет. И нужно жить дальше.

– Поздравлю Тараса с рождением сына, поговорим. Даже, когда мы расстанемся, я все равно останусь его другом. Нас очень многое связывает. И, в первую очередь, вы – наши дети!

– А ты не наделаешь глупостей? Ему нужен развод – пусть сам и приезжает! – все эти трагические развязки не сложившихся семейных отношений она представила себе так явно, что тут же вскочила из-за стола, обняла мать. – Мамочка, да он просто тебя не стоит! И не нужно перед ним унижаться! Пусть живет без нас! А я никогда в жизни не выйду замуж! Чтобы не мучиться!

Мать в Москве пробыла ровно один день. Приехала утренним поездом и вечером отбыла с Павелецкого вокзала.

Злата не стала дожидаться возвращения матери. Объявления, что требуются почтальоны, висели на многих деревянных столбах.

– Взять то мы тебя возьмем, только такие, как ты, через день на работу больше не выходят. Им лучше на речке париться, чем надрываться с нашими сумками.

– Я вас очень прошу! Возьмите меня с испытательным сроком. Если брошу, то ничего не заплатите! Вам выгода будет.

Начальник цеха связи удивилась:

– Ты смотри, какая грамотная отыскалась! Экономист союзного масштаба! Зарплата у нас копеечная, поэтому девчонки лучше полы мыть будут, чем наши пудовые сумки таскать. Ты на один месяц планируешь поработать или все лето?

– Посмотрим. – Злата ничего не планировала, ни о чем не думала. Она с той памятной и незабываемой ночи проводов растворилась в облаках мечтательности, неги и счастливого нетерпения снова, когда-нибудь опять утонуть в объятиях Валерия.

Эта неожиданная чувственность, неясные, томящие сновидения, которые таяли с рассветом, оставляли лень, расслабленность, грезы, жажду чужих неясных прикосновений, – в ней просыпалась юная женщина с желанием любить и быть любимой.

Сестренки отвлекали от ее заоблачных мечтаний. И те трое суток, пока не было матери, она что-то готовила поесть, поливала огород, молча слушала взволнованный рассказ Ольги о пропавшем из-за стола на проводах ночью Валерке, хотя все красавицы из его бывшего класса оставались во дворе. А парни выходили за калитку покурить и беспокоились, чтобы их друг по пьяной лавочке ничего с собой не сделал. И все ахнули, когда Валерий появился на рассвете один, трезвый, и сказал весело: «Да я на речке купался! Вода – классная!» И никто ему не поверил: наверное, провел ночь в объятиях какой-то чужой, неизвестной, засекреченной женщины.

Мать с поезда встретили тетя Лида и дядя Саша. Злата на кухне варила молочную рисовую кашу, когда они втроем зашли в дом. Даже по тому, как обреченно мать села к столу не на свое привычное место у окна, а сбоку, на табуретку Маши, словно не заметила у газовой плиты свою старшую дочь, ничего не спросила, застыв, как каменная статуя, Злата поняла, что лучшие друзья их семьи тоже обеспокоены ее поведением.

– Лида, ты тут побудешь в гостях, а я перед обедом тебя заберу, хорошо? Я уже должен быть на работе в мастерской! Пока, девочки! – дядя Саша работал в соседнем селе заведующим ремонтно-тракторной мастерской. Он, торопясь, выпил кружку воды из-под крана и исчез.

– Злата, никогда не называй своих дочерей именем Анна. Это имя приносит только несчастье. И у его владелицы – обычно драматичная судьба, – мать сидела, сложив руки на столе, как

примерная ученица. – Лидочка! Ты не представляешь, как Тарас изменился! Я его с трудом узнала. Решил уехать из Москвы в Карелию, в леса. Разлад у него в душе! И все после убийства там, в тайге, на кордоне. Ему нужно сейчас уйти в какую-нибудь обитель и там отмолить свой грех! А Тарас уперся, не верит ни в черта, ни в бога! Связался со смазливой куклой, которая родила ему сына, а самой на танцульки охота вечером убежать! И не поедет она за ним в глухомань! Вот увидите, будет он своего Володю сам воспитывать! А я вдруг стала ему чужой! Будто во всех его проблемах – моя вина. Звала: «Поехали на Волгу, отдохнешь – вернешься». Не слышит! Вот так жизнь повернулась. Спаслись от бандитов, а отца потеряли!

Злата уже опаздывала на работу, ей до слез было жаль мать. И образ отца вдруг начал обидно тускнеть. Если он задохнулся там, в большом городе в суматохе набежавших проблем, которые он, сильный мужчина, никак не может раскидать, чтобы вздохнуть свободно и независимо, то чем она, Злата, могла помочь этим потерявшимся взрослым?

«Я буду работать, чтобы меньше оставалось времени для страданий и слез. Работа лечит, – говорил отец. Вот, опять про него вспомнила! Пусть ему икнется! А у нас все получится, – она села на велосипед и помчалась на работу. – И, самое главное, – она сама, лично будет относить тете Любе и Ольге письма от сына и брата».

Валерий писал редко, и чаще ей, Злате, чем родителям. Письма были лаконичные, информационные, без особых эмоций. Но его обращения «Здравствуй, дорогая Златочка! Моя милая Злата!» заставляли ее чувствовать себя, как при нырянии с обрыва, когда набрала при глубоком вдохе побольше воздуха, долетела до дна, и несколько секунд видишь совсем другой, прозрачный мир подводного царства с потревоженными, выющими по течению тонкими водорослями, растерявшимися от неожиданности мальками, и должна, не раздумывая, немедленно его покидать.

Она жила теперь в выдуманном ею мире глубокой влюбленности, не замечая пролетающих дней, обыденности повседневной работы, когда с тяжелой сумкой газет и журналов объезжала на велосипеде улицу за улицей. Ей стали доверять выдачу пенсий пенсионерам на дому, предупреждая постоянно, чтобы не потеряла деньги.

Всю первую зарплату принесла матери, гордилась собой, что выдержала, не бросила.

А рано утром, купаясь в свежести просыпающегося еще сонного дня, в письме далекому другу в большом уральском городе она с нетерпением и откровенностью выплескивала свои суждения о прочитанных книгах, местные новости, забывая о разнице в возрасте. Страницы дневника оставались пустыми. А сотовый телефон отдыхал на столе – на разговоры не было денег.

Валерий почти всегда соглашался с ней в письмах. Письменная связь его вполне устраивала. Иногда кратко, но аргументировано возражал. Видимо, у него было еще меньше времени, чем у нее:

«Злата, смотри, не отрезай свои косы! Ты – такая юная и прекрасная, и каждый день я мысленно люблюсь тобой! И, наверное, нужно некоторое время, чтобы понять, что мой выбор тебя не случайный, а на всю жизнь!»

Он был рядом, смотрел на нее с фотографии, где застыл, приготовившись к отражению броска в футбольных воротах школьного стадиона, в белой майке и синих спортивных штанах. Его сфотографировала учительница пения, а Злата вытащила без спроса из пачки готовую фотографию, когда разрисовывали какой-то стенд для школьного коридора.

Глава 6. ОТ ПРОШЛОГО НЕ УБЕЖИШЬ

Мать в конце лета перешла на работу фельдшером на «Скорую помощь», где оклад был больше, запряглась в работу и днем, и ночью. Она похудела, вытянулась, и рядом со Златой выглядела, как старшая сестра, особенно, когда сделала короткую молодежную стрижку. Ее светлые волосы удачно скрывали появляющуюся седину, а когда подкрашивала глаза тушью, то ее удлиненное решительное лицо, со слегка вздернутым аккуратным носиком принимало почему-то неприступное выражение, словно она давно приготовилась к схватке и ждет наступления от всякого, кто намеревался с ней заговорить.

У постели больных она терпеливо выслушивала жалобы, не торопясь, проводила диагностику, часто увозила больных на стационар, вызывала специалистов, особенно, если были жалобы на боли в сердце. Врачи злились, а мать жаловалась Злате:

– Если бы у меня был диплом врача, а не фельдшера! Ты, доченька, бросай свою почту и садись за уроки. И выбирай, наконец, куда пойдешь учиться! Если решишь идти в медицинский институт, то я тебя завтра же устрою санитаркой в общее или хирургическое отделение, и проверь свою готовность спасать чужие жизни. И только высшее образование! Сейчас без диплома в жизни ничего не добьешься! Видишь, какая заваруха продолжается в стране. И неизвестно, чем все закончится. Хоть бы войны не было!

Тридцать первого августа Злата решительно огорошила заведующую почтовым отделом:
– Я буду работать и дальше. Нам нужны деньги.

В деревне никакие секреты долго не утаишь. Потихонечку расплескалась и эта довольно интересная новость, что у Тараса в Москве появилась новая жена, что деньги он присылает редко, а Анна на него в суд отказалась подавать из-за своей гордости. Одни жалели девочек, проклиная эту чертову жизнь, когда половина мужиков района устремилась на заработки в крупные города и на Север. В классных журналах на последней странице засверкали зловеще пугающие строчки: у мам – безработная, у отцов – на заработках. Другие женщины ехидно улыбались – не сумела эта приезжая красотка мужа удержать, теперь будет женатым мужикам глазки строить.

Заведующая, осторожно вздохнув, кивнула головой: «Работай, детка!» – и вручила Злате большую заказную бандероль на имя матери. Обратный адрес был – город Красноярск.

Но когда мать ножницами разрежала оберточную бумагу, сверху на каких-то пожелтевших папках лежало письмо. Почерк был незнакомый. По мере чтения письма мать вдруг так заметно побледнела, что Злата не выдержала:

– Господи! Что там такого страшного тебе привиделось?

Мать сгребла обертку, содержимое бандероли, придвинула к себе и закрыла обеими руками, навалившись на стол грудью:

– Злата, милая, иди, погуляй! Оставь меня на полчаса в покое! Прости, доченька! Очень серьезные новости!

Злата, пожав плечами, пошла к соседям. Ольга попросила помочь укоротить школьный сарафан по максимуму.

Письмо было от Антона Смирнова. И такая зловещая, настороженная, какая-то угрожающая тишина повисла, закупорила окружающее пространство, словно от этой груды бумаги начал расползаться по чистым деревянным полам, скромным узким половикам удушающий своей смертельной отравой без запаха невидимый газ прошлого испуга и вернувшегося страха.

Анна смотрела на начальную строчку письма: «Здравствуй, Анна! Пишет тебе Антон Смирнов. Аня, все очень серьезно!» Она закрыла глаза ладонями, крепко зажмурилась и вспомнила.....

...Срок беременности был уже приличный, декретные начислили, но работать было некому. И Анна согласилась подежурить в больнице ночью, когда в их маленькую ординаторскую ворвался в теплой зимней куртке, в грязных резиновых сапогах Антон Смирнов:

– Зови скорее Михайлыча, Аня! Мать умирает!

Ивана Михайловича в деревне не было. Уехал рано утром на своей машине на совещание в райцентр. Поздно вечером позвонил, что остался ночевать у дочери, так как не успел в аптеке получить лекарства и сдать отчеты.

– Что ты кричишь? Почему не привез мать в больницу? – Антон был по возрасту такой же, как она, только недавно вернулся из армии, нигде не работал, пил и гулял с друзьями больше месяца, хулиганил по ночам, приставал к незамужним девчонкам на танцах. Его побаивались, вернее, его старшего брата, Николая, – главаря местной шайки. И сейчас Антон был пьян настолько, что, схватившись за спинку старенького стула, стоял, раскачиваясь вместе с ним.

– Ну, сделайте что-нибудь скорее! У нее кровотечение! Она в луже крови лежит одна, пока я тут прохлаждаюсь!

Ребенок внутри живота проснулся, разминаясь, но медлить было нельзя. Анна натянула осеннее пальто, которое еле-еле сходилось на расплывшемся животе, который по прогнозам санитарки Галины предвещал рождение девочки. Почти силой выдернула из рук потерявшегося Антона скрипевший стул:

– Бери больничный чемодан! Побежали!

Дом Смирнова – младшего стоял на околице села, на отшибе, поднявшись над окрестными лесами своими красными кирпичными стенами, красуясь вычурными изгибами непривычной для деревни зеленой черепичной крышей над двухэтажным огромным особняком. Сейчас, во мраке осенней распутицы эта громадина освещалась только сиротливо приглушенным светом садовых фонарей за высоченным железным забором и двумя одинокими окнами первого этажа.

– Где твой отец? И ворота все нараспашку! – они вырвались из топи раскисших сельских улиц, наконец, на твердое покрытие каменных плит ухоженного двора.

– А черт его знает! Он дома почти не живет! У него квартира в городе, где бабья хватает! Ему мать давно не нужна! И Колька там же!

Маргарита Васильевна лежала на жестком узеньком диванчике, бледная, на распухшей щеке под глазом багровел, словно нарисованный зловещей кистью, уродливый синяк. При виде Анны она испуганно натянула до носа мягкий плед.

– Что случилось, Маргарита Васильевна? Антон меня напугал, – когда-то жена младшего Смирнова была видной статной дамой, но, родив двух сыновей своему мужу, занималась только детьми и хозяйством, не имела подруг, стала примерной прихожанкой в церкви райцентра, исправно ездила туда и посещала все службы. Муж потерял к ней всякий интерес, говорили, что временами после пьянки жестоко избивал жену, но все это происходило за высокими заборами. Жалоб от нее никто никогда не слышал.

– Анечка, выкидыш был у меня! В районной больнице все почистили, как положено, домой отпустили. А тут, как хлюпнуло! И сама испугалась, и Антона напугала, – когда Анна хотела аккуратно снять плед с Маргариты Васильевны, та судорожно обеими ладонями вцепилась в мягкую ткань:

– Ой, Анечка, тебе лучше не видеть, что мой благоверный с моим животом сделал!

Анна решительно сдернула плед, и ее затошнило, как на первых месяцах беременности. Ноги ослабели, выступила испарина. Такого жестоко избитого тела она никогда не видела, даже в море во время учебы в медицинском училище.

– Неужели опять в райцентр ехать по этой грязи? Сделай что-нибудь, девочка, все говорят, что у тебя золотые ручки! – Маргарита Васильевна пыталась натянуть простую ситцевую,

с веселыми цветочками ночную рубашку на разбитые коленки. На простынке под телом расплывалось темное кровавое пятно.

– Антон, заводи машину и бегом в душ, под холодную воду! Через десять минут выезжаем! А то твоя мама кровью изойдет! Быстрее! Что ты стоишь? – ее голос был такой звонко-испуганный, что Антон, действительно, уложился по-армейски быстро в установленное время. Эту ночь пролета сквозь настороженную, пугающую темень, мимо застывших, сонных деревьев, прочертивших тенями просеку разбитой, с непомерными выбоинами дороги, с закипевшим от напряжения мотором, она вспомнит только потом, утром, когда после экстренной операции Маргарита Васильевна будет спать в послеоперационной палате. А Антон запоздало будет отходить от многодневного запоя слезами раскаяния, сидя на полу в пустынном коридоре районной больницы возле ординаторской.

– Слава Богу, выдержал мой малыш, не запросился наружу! – сон куда-то испарился, но, когда закрывала глаза, снова наяву видела ужасные следы жесточайшего избиения несчастной беременной женщины. И ведь врачи тоже видели, но никто не поторопился официально зафиксировать факт преступления. Знали, что лучше не связываться с распоясавшимся извергом.

– Антон! – Анна вышла в коридор. – Как ты можешь позволять отцу так относиться к твоей матери? Устройся на работу, увези мать подальше от этого ирода! Ведь он мог убить ее! Будь ты настоящим мужчиной! Если нет слеза с отцом, то спаси мать! Или вам деньги все мозги высушили? Пропьешь все святое, а потом поздно будет! Уезжай, ради бога, домой! Я с тобой не поеду. Вернись с Иваном Михайловичем. Сынок называется...

И вот теперь в письме Антон вспомнил ту ночь....

– Анна, спасибо тебе за мать. Через полгода я потребовал у отца деньги и отвез мать в женский монастырь. А сам поступил в Красноярский медицинский институт.

Перед собой ты видишь два личных дела из твоего медицинского училища: одно – на тебя, другое – на твою подругу Лидию. Когда твой муж Тарас в перестрелке ночью в лесу нечаянно убил нашего двоюродного брата Сергея Смирнова, мой отец приказал мне, так как я учился и жил в Красноярске, собрать все сведения о тебе и твоей родне, чтобы попытаться отыскать вашу семью в Москве. Ты, молодец, что догадалась забрать все документы в больнице.

Короче, я выкупил в медучилище за приличные деньги эти папки, спрятал их в надежном месте, а отцу сообщил, что документы не сохранились. Отцу было на все наплевать, пока год назад не умер мой дядя, Самуил Афанасьевич. У него сразу после смерти сына поехала крыша, три последних года, он, вообще, лежал в коме, в специальной больнице. И мой отец с братом успокоились, забыли про вашу семью. А после смерти старика нотариус озвучил завещание дяди: три миллиона рублей единственным наследникам – моему отцу и нам, двум братьям, только, когда мы уничтожим всю вашу семью.

Анна, не хочу тебя пугать, но угроза вашей семье реальная! Я сразу после того случая с матерью послал и отца, и брата Николая подальше, чтобы оставили меня в покое. И они проворачивают свои грязные делишки без меня. Но ради этих чертовых миллионов они теперь разорвутся на части, но добьются своего! Отец уже в возрасте. Но мой брат Николай – страшный человек.

В свое время я довольно легко вычислил, что, если ты не вернулась домой, в родное село под Иркутском, вы не появились в Борисоглебске Воронежской области – на родине Тараса, – значит, ты могла уехать только к своей близкой подруге, на квартире которой ты прожила в Красноярске почти четыре года. Через полгода интенсивного поиска я узнал, что семья Лидии вернулась в Саратовскую область, откуда их родителей-немцев депортировали в начале войны, осенью 1941 года. Я нашел адрес твоей подруги и, наконец, узнал, что ты работаешь в Заволжье.

Анна, правоохранительные органы тебе вряд ли помогут. Им нужны веские доказательства настоящей угрозы, а старый адвокат и не подумает раскрыть страшную тайну наследства.

Мой брат сразу начал копать в Москве. Но, когда у него там случится облом, он прикинется бедной овечкой, придумает душещипательную историю о пропавшей сестренке и через телевидение, радио будет искать тебя и твою семью. Анна, берегись моего брата! В моей порядочности будь уверена. Может быть, вам, действительно, переехать в Москву и там затеряться? Будь мужественной! С уважением Антон».

– Бросить все и опять бежать в неизвестность? Домик здесь, хотя и небольшой, но свой. Уже сад поднялся, огород кормит, отличные соседи, семья подруги всегда на помощь придет, – нет, никуда мы не поедem! Какая подлость все же существует в мире! Эх, Тарас, Тарас! Убереги, Господи, и его, и моих детей от человеческой ненависти!

Глава 7. ТЕТЯ ЛЮБА

Первое сентября не заставило себя ждать. И у Златы появилась еще одна близкая подруга – Ирма, дочь тети Лиды. Она тоже окончила неполную школу в своем селе и теперь поступила вместе со Златой в десятый класс районной школы.

– И в нашем маленьком домике стало теперь четыре дочки, – невесело пошутила мать, а тетя Лида наоборот весело рассмеялась:

– Все, девочки, пора вашу однородную команду разбавлять мужчинами! И первой на вылет будем готовить маму Аню. Такая классная женщина! Я карты раскинула – у нее на пороге обстоятельный мужчина. Военный, с наградами, а самое главное, серьезный!

Мать опять нехотя улыбнулась:

– Тебя послушать – больше мне нечем заниматься, как мужчин отлавливать! Я еще долго в себя приходить буду, пока отойду от этого удара судьбы! Девочек будем устраивать. Вот какие они у нас разные!

Ирма сидела на кухне с родителями, когда заехала по пути на вызов на «Скорой помощи» мать, замахала на всех сердито руками:

– Лида, меня не ждите! Разогревай обед, сейчас Злата прибежит, а я буду свободна только после пяти часов вечера. Злата у меня теперь за хозяйку!

Ирма была тоненькой стройной белокурой девушкой, стеснительной, молчаливой. Она заливалась краской, даже, когда к ней просто обращались с вопросом. Эта ее заторможенность, желание остаться в тени, чтобы никому не доставить беспокойства, на фоне вечно дерущихся крепышей – братьев, немного раздражали Злату поначалу. Но потом она поняла, что внешне не проявляющая своих эмоций, рядом с самонадеянной, немного воображающей, резкой Ольгой, на фоне ее, Златиной непререкаемости рассуждений, правильная Ирма выглядела, как осторожная неброская синичка, которая недоверчиво посматривает на шумную суету слетевшихся торопливых воробьев, любопытных сорок вокруг кормушки на яблоне зимой, когда по свежему морозцу утром туда насыпали зерно и подсолнечные семечки.

Диван Златы и кровать Ирмы переставили в бывшую спальную комнату родителей, между ними втиснули вплотную большой старый стол с настольной лампой. И теперь они обе делали уроки, сидя напротив друг друга. Когда надоедали вечные тетради, с ногами забирались на большой диван и начинали секретничать.

Эти откровения стали открытием друг друга.

Анна предложила девочкам самим украсить свою комнату, как им заблагорассудится. Ирма повесила над своей кроватью многочисленные вышивки в аккуратных деревянных рамках. Все они были выполнены крестом. Но особенно выделялась большая, настоящая картина – вышивка – старинный замок с высокими красными башнями, с мостом через ров с водой, стеной темного векового леса, уходившей вдаль. Это был подарок прабабушки Кати, выполненный еще в дореволюционное время, который берегли и передавали по наследству.

Младшие сестры Златы остались в детской, откуда доносился бешеный хохот, когда они пускали в комнату щенка, и он вспрыгивал на кровати, лаял на них пронзительно, и девчонки визжали от восторга, потому что матери не было дома, и некому было разогнать разбесившуюся компанию. Потом они перемещались в зал, включали на полную мощность какие-то детские передачи или сказки, и тут Злата не выдерживала, вставала, шла в зал и убавляла звук. Мать спала в зале на старом диване.

Под великим секретом Злата в один из вечеров рассказала Ирме о переписке с Валерием, взяв с нее слово, что Ольга ничего не узнает. Ирма поклялась и страшно удивилась, что о спрятанных в личном дневнике письмах и фотографии симпатичного брата Ольги не знала ни одна живая душа, кроме хозяйки.

– Злата, а у тебя с Валерием что-нибудь было? Ну, там, вечером, на речке?

Злата покраснела:

– Ты что, с дуба упала? Да он ко мне, как к сестре, относится! Валерий меня даже не поцеловал! У него в классе такие девушки раскованные! Мне долго еще расти придется, пока он, может быть, обратит на меня внимание! Никто мне не нужен!

Злата часто думала о том, что, может быть, это было нечестно по отношению к самой близкой подруге, но если бы Ольга вдруг случайно узнала хоть что-нибудь о своем брате, то немедленно рассказала бы своей матери.

Обожаемый Валерочка был любимый сын и братик, и его не собирались ни с кем делить. Даже, когда бывшие одноклассники спрашивали, как там, у Валерия дела в армии, и мать, и сестра сразу становились в позу непримиримости: «Служит парень спокойно, слава Богу! И не ломает себе голову, дождется его кто-то там из армии, или не утерпит и пустится во все тяжкие от скуки».

Отец хотел, чтобы Валерий после армии окончил политехнический институт, стал инженером – автодорожником и остался в областном центре.

А мать, тетя Люба, мечтала о военной карьере сына. История семьи была ее гордостью. В старом альбоме хранились немногочисленные сохранившиеся фотографии родственников, и Злата наизусть знала заслуги и родословную каждого.

Прадед, московский дворянин, сын генерала царской армии, после окончания первой мировой войны девятнадцатилетним юношей с воодушевлением встретил Великую Октябрьскую революцию, записался в отряд большевиков, воевал против Деникина и Колчака, дважды был ранен. Потом попал в Среднюю Азию, сражался против басмачей, служил под предводительством Фрунзе. Женился. Его жена тогда работала поваром в известном ресторане в Ташкенте.

Сыновья стали военными, но оба погибли на фронтах Великой Отечественной войны.

Две дочери вышли замуж за военных. Одна с мужем оказалась в Киргизии, другая – на Дальнем Востоке, на Сахалине. В начале восьмидесятых годов в связи с беспокойной обстановкой в республиках Средней Азии семья старшей дочери задумала вернуться в Россию. Дальние родственники мужа, с которыми поддерживали редкую связь, расхваливали южный климат Поволжья, куда еще в далеком прошлом веке переселились из Харьковской области с Украины их предки.

Несмотря на жгучие январские морозы, когда вымерзали уже взрослые сады, регулярно повторяющиеся засухи, явное безводье в бесконечных степях, возле Волги, по берегам резко мелеющих летом речушек при настойчивых усилиях выращивали большие урожаи помидоров, болгарского перца, сочных огромных арбузов и душистых дынь. Другие родственники звали в Подмосковье, но рискнули, и всем большим семейством переехали в Заволжье, в старинный поселок на берегу бесконечного простора Волгоградского водохранилища. Здесь была работа, недорогое, по меркам города, жилье, возможность обучения детей в крупных областных вузах.

Тетя Люба, одна из пяти детей, успешно окончила педагогический институт, познакомилась с будущим инженером – электриком, вышла замуж и оторвалась от семьи, поселившись в районном центре в пятидесяти километрах от Волги и от границы с Казахстаном, в целинном Заволжье. И, рассказывая о своих уважаемых родственниках, она в тайне представляла своего Валерия именно в военной форме:

– Мой сынок – точная копия прадеда. Настоящий гвардеец: красавец, рослый, умный, воспитанный. Сильная России всегда на таких офицерах держалась! Дороги любого можно научить строить, а Родину защищать должны истинные патриоты!

Отец Валерия отмахивался недовольно:

– Начнется заваруха опять в каком-нибудь Афганистане, что тогда запоешь, Любочка, если твоего сыночка под пули душманов на вертолетах кинут? Сколько мальчиков полегло в этих проклятых войнах!

Тетя Люба сразу начинала креститься, а Ольга шипела на отца:

– Папка, что ты каждый раз мамочку пугаешь? Нет сейчас войны и не будет! Что, там, на Западе не понимают опасности ядерной войны? А Валерка вас особенно спрашивать не будет, сам свою судьбу определит!

Валерий после учебки попал на какой-то засекреченный объект. Письма перестали приходить. Тетя Люба бегала к военкому, но он сердито послал ее подальше – служит парень, пока в России, и, может быть, где-нибудь на учениях, о чем посторонним не положено знать.

Злата послала три письма без ответа, а потом обиделась: « Не хочет отвечать, ну, и пожалуйста. Она тоже замолчит». И после затишья в переписке она вдруг получила в конце сентября коротенькую записку в цивильном конверте, с огромной шикарной маркой:

«Злата, я сейчас в госпитале. Немного обгорел на лесных пожарах. Моим – ни слова. Через две недели вернусь в часть, и надеюсь, что твои письма меня дождутся. Люблю тебя. Валерий».

В этот день она забыла, как ее зовут. И, если бы в школе на другой день ее кто-нибудь из девочек позвал: «Злата, пошли в библиотеку, в столовую, еще куда-то», – результат был бы нулевой – испарилась девочка с этой грешной Земли, получив вызов с инопланетной станции в виде необычного пароля: «Люблю тебя». И нет никаких восклицательных знаков, многоточий. Просто: «Люблю тебя».

И не нужно тратить миллиарды на разработку сверхсекретных вооружений, на подготовку кровопролитных войн. Если миллионам людей послать такие скромные признания «Люблю тебя» от того, кому веришь и кого ждешь, а на другой день – лакированный конверт со словами «Зря мне поверил или поверила. Я просто пошутила или пошутил», то злому гению этого страшного розыгрыша точно присудят несколько пожизненных сроков, а в мире наступит неразбериха.

В этих простых словах «Люблю тебя» – легкая дрожь будущих поцелуев, тепло горячих рук, которые будут тебя поддерживать и подхватят, сберегут, бешеный стук у горла все понимающего сердца, сила уверенности в собственной незаменимости, шорох вечности у тебя за спиной.

Что делать? Написать и признаться, что давно у нее перехватывает дыхание при одном упоминании о нем! А вдруг это простое извинение, что был занят, не имел возможности ответить, просто болел?

Злата ждала следующего письма, надеясь, что Валерий проговорится еще раз, и признание в любви окончательно перевернет ее жизнь, потому что невозможное станет возможным. Или, наоборот, он сведет письменный разговор к другой теме, например, о волновавших всех событиях в стране. Злата не знала, есть ли сейчас цензура на письма военнослужащих, или все ее и его личные письма кто-то добросовестно изучает и имеет право выбросить письмо в мешок на уничтожение. Об этом было даже неловко думать.

Заведующая отмахнулась нетерпеливо:

– Кому ваши переживания нужны? Хотя шпионов тоже никто не отменял! Разбирай, девочка, скорее корреспонденцию, а то ты и так сегодня в школе задержалась!

Глава 8. ПРАКТИКАНТ

Все время хотелось спать. Отказалась от всех кружков и спортивных секций. Учителя обижались, что не участвует, отмалчивается на политинформациях и классных часах.

В начале октября мать поставила ультиматум – или бросаешь работу, чтобы нормально учиться, или переводишься в вечернюю школу и забываешь про высшее образование. Пришлось подчиниться.

Рассталась со своей тяжелой сумкой, со стареньким велосипедом и затосковала:

«Конечно, мы не голодаем, но ограниченность в средствах угнетает. Нашу семью записали в малообеспеченные семьи, передают нам какие-то наборы продуктов бесплатно, а это так унижительно для гордой и независимой мамы. Пригласили недавно в отдел социальной помощи и стали предлагать поношенные сапоги и зимние куртки. Мать вечером ушла в сад и вернулась к ужину вся заплаканная, молчаливая».

Решение пришло внезапно, ничего не стала анализировать, брякнула за завтраком:

– Мама, устрой, меня, пожалуйста, на работу в больницу санитаркой! Буду вместе с Ольгой в медицинский институт поступать. Два года стажа заработаю, пригодится, наверное!

Мать медленно поставила чашку недопитого чая:

– И как ты себе эту работу представляешь? Школу бросить я тебе не позволю!

– Устрой меня в поликлинику на полставки! Сама говорила, что все девчонки в декретные отпуска ушли, работать некому! У вас во всех кабинетах на полу линолиум, я после уроков и буду убираться быстренько! Нужно ведь иметь представление о будущей работе! Вот тебе и преемственность поколений получится!

Мать махнула рукой:

– Мы с Лидой в медучилище тоже подрабатывали санитарками в больнице! А потом на занятиях носами о стол клевали! Попробуй, если есть охота! Не потянешь, – никто не осудит!

Много лет спустя, вспоминая в реалиях обеспеченной, сложившейся, более или менее успешной жизни этот диалог с матерью, Злата никогда не жалела о том растянувшемся на два долгих года забеге по преодолению внутренней неуверенности и слабости, о той прививке трудом в непростом возрасте осмысления своего бытия. Четко осознавая, что ничего в этом мире не дается даром, этот вынужденный напряг в юности подготовил не к парадному шествию по красным дорожкам уверенных побед, а к постоянному труду ради куска хлеба.

И жизнь, как всегда, преподнесла необычный и неожиданный сюрприз.

Уже в половине третьего коридоры поликлиники стремительно пустели, и только возле кабинетов терапевта и хирурга терпеливо ждали своей очереди настойчивые посетители. Гудящие толпы больных у окошек записи, угрюмые очереди на стульях вдоль стен, мелочные перебранки между нетерпеливыми пенсионерами – все это утреннее нашествие ежедневных непрекращающихся потоков больных иссякало после обеда. И Злата заходила в тишину замёрзших кабинетов, поливала цветы на подоконниках, терла раковины, пыль на столах, меняя грязную с хлоркой воду в специальном ведре.

– Можно войти? – она пропустила грузную женщину с распухшими неестественно ногами, заглянула в хирургический кабинет. За столом сидел незнакомый молодой врач. Он поднялся, снял белый халат и улыбнулся:

– Да-да, заходите, я уже свободен! А можно узнать, как зовут прекрасную незнакомку? Вчера вот с эти же ведром меня выпроводила из кабинета какая-то энергичная бабуля! И еще при этом успела прочитать мне лекцию!

– Извините! – Злата торопливо прикрыла дверь, присела на табуретку. Незнакомый врач с курткой в руках возник в дверях:

– Да это же просто подарок судьбы, когда после страждущих и больных в конце работы в дверях вдруг возникает такой прекрасный цветок! Разрешите представиться, практикант Дмитрий Иванович, а можно просто Дмитрий!

Злата растерялась. Этот высокий, худой, белобрысый практикант рассматривал ее с таким откровенным интересом, словно она была гимнасткой на ковре перед выступлением с разноцветным обручем в руках вместо старой сучковатой швабры.

– Мне нужно убрать ваш кабинет. Можно войти? – отчество было явно лишним, потому что это Дмитрий был, может только на немного старше Валерки.

– А можно я вас после работы провожу домой? И имя ваше узнаю! Я даже могу помочь в уборке! Воды принести, стулья переставить! Никак не привыкну к сельской тишине после городской шумихи! И к пустынному безлюдью! Как в лесу! Никого вокруг! – он застыл у стены с пальмой, и Злата, смутившись окончательно, успела разглядеть улыбающееся лицо, с ямочками на щеках, с желто-кошачьими глазами сквозь черную оправу «профессорских» очков Дмитрия, который по-прежнему настойчиво изучал ее фигуру.

В дверь заглянула Анна:

– Злата, дочь, ты еще долго тут будешь? Я сейчас на вызов, а потом вместе пойдем домой!

Дмитрий расцвел:

– Анна Александровна, дорогая! Это оказывается ваша дочь? И ее зовут Злата! Прекрасно! Значит, мы с вами будем дружить! Злата! Какое необыкновенно красивое имя! И оно вашей дочери очень подходит! Вы поезжайте на вызов, уважаемая Анна Александровна, а мы со Златой вас подождем!

Злата отвернулась к окну, щеки запылали. Дмитрий Иванович достал пачку сигарет:

– Я пока на крыльце покурю, чтобы не мешать! И мама, и дочь – такие красавицы, а обе живут в этом захолустье! Русская глубинка всегда хранила свои сокровища! Чудеса!

В семье отец прежде никогда не курил, а этот настойчиво-приятный мужской аромат неизвестных сигарет, казалось, пропитал и заваленный бумагами стол, и простыню кушетки, и льняные шторы, перебивая настойчивый запах разросшихся гераней на подоконнике.

«Симпатичный, высокий, но слишком откровенно рассматривает, словно раздевает. Наверное, привык к вниманию девушек в институте в своей группе, – Злата постоянно оглядываясь на дверь. – Зайдет, сядет на свой стул и придется при нем мусор из корзинки в мешок пересыпать, полы тереть шваброй! Господи, хоть бы его кто-нибудь куда-нибудь позвал!»

Когда открыла окрашенную дверь после уборки, Дмитрий смирно сидел на стуле для больных с каким-то ветхим сборником в руках:

– Злата! Давай сходим сегодня на какой-нибудь кинофильм вечером?

Злата улыбнулась:

– А у нас кинотеатров в селе нет!

– А что у вас есть? Куда вечером можно сходить, отдохнуть?

– В субботу и в воскресенье в Доме культуры – танцы, но там одни малолетки развлекаются, до одиннадцати часов ночи работает кафе в столовой, а так – у всех дома телевизоры с «тарелками». Молодежь, ученики-старшеклассники в спортзале школы ежедневно «бьют» по волейболу, кому нравится, – играют в теннис, баскетбол, или просто по улицам гуляют.

– Вот так занимательную картину ты мне нарисовала! А никто по вечерам не воет на луну от тоски?

– Ничего, Дмитрий Иванович, вы станете известностью в селе, если попробуете первым! – мать подошла стремительно. – Простой вызов, мамочку молодую пришлось успокаивать, что маленькие детки, когда проснутся, могут немножко и поплакать. Злата, ты готова? Пошли домой!

– А мне можно с вами? – Дмитрий возвышался над обеими, видимо, не ожидая отказа.

– Дорогой Дмитрий Иванович! К сожалению, сегодня у нас совсем другие планы. У Златы – куча уроков, у меня – стирка, да и особых разносолов в доме нет. Вот если вы дождетесь воскресенья, то милости просим на пироги. Хотя нет, – у меня подряд два ночных дежурства. И не смотрите на Злату, как на будущую подружку. Этой кукле – пока всего шестнадцать лет! У нас в больнице девчат – медсестер много, скучать вам не дадут. До завтра!

На другой день Злата шла в поликлинику с опаской:

«Что она этому Дмитрию скажет, если взрослый, такой уверенный в себе врач вдруг опять позовет ее погулять по ночному селу или предложит проводить домой? Это не одноклассники, на приколы которых можно было просто посмотреть презрительно поверх головы или даже не удостоить внимания, повернувшись спиной. Неужели я так по-взрослому уже выгляжу, что этот Дмитрий Иванович обратил на меня внимание? „Просто от скуки“, – как сказала мама вчера по дороге домой. Но все равно приятно слышать такие непривычные слова и ощущать на коже мурашки от такого откровенного любования и неприкрытого восхищения».

Это новое ощущение какой-то затаившейся тайны, проглянувшей как первые ростки перезимовавших успешно тюльпанов и нарциссов в клумбе, неожиданный всплеск интереса к незнакомому мужчине, окутавшая все тело внезапно волна жара, непонятный, затягивающий любопытством сам факт нового знакомства – все это и волновало, и злило, и, словно предупреждало, – то ли еще, возможно, будет.

Дмитрий был серьезен, забрал из рук ведро и швабру, усадил настойчиво на стул для пациентов:

– Злата, я, наверное, здесь надолго не задержусь! У меня отец – заведующий отделением в крупнейшей областной больнице, он настаивает на том, чтобы я всерьез после ординатуры занялся наукой, а для этого в его клинике – огромное поле для исследований, применения своих знаний. Ты, пожалуйста, не пропадай! Жаль, что у вас в селе нет нормального Интернета. Ну, ничего! Запомни: когда ты окончишь школу, я обязательно приеду к вам и заберу тебя в город. А пока два или три отпущенных нам месяца мы с тобой будем просто знакомиться и общаться! И пусть мама твоя не пугается – никаких вольностей я не позволю по отношению к тебе. Согласна?

Злата оцепенела, а потом стремительно вылетела из кабинета, раскрасневшаяся и взволнованная. На следующий день специально задержалась в школе и пришла в пустую поликлинику после пяти часов вечера. Но, когда закончила уборку и понесла ключи в общее отделение, на крыльце с сигаретой стоял Дмитрий:

– Златочка, радость моя! Пошли к нам в хирургию, чай вместе попьем! У меня сегодня ночное дежурство. Пока затишье перед бурей! Опять твоя мама кого-нибудь на операцию привезет ночью! И ты тоже хочешь стать врачом? И будешь вот так же спокойно бросать дома мужа и детей два раза в месяц, а сама спать, не раздеваясь, на диванчике в ординаторской? Девочка моя, не женская это профессия! Мужики должны быть врачами!

– А призвание? – взгляд Дмитрия, словно запеленал ее в непривычную ткань удивления, когда Злата, остановившись на высоком крыльце, неожиданно взвилась, не промолчала, такая юная и привлекательная в своем белом халатике, руки в карманах, порозовевшая от пронзительно ледяного ветра. – Но, если честно, я еще не решила точно, чего хочу и кем стану! Пока одни вопросительные знаки! Только вы маме не проболтайтесь, пожалуйста!

И тут произошло то, чего она точно не ожидала. Дмитрий, аккуратно потушив сигарету, шагнул вперед и притянул к себе растерявшуюся Злату:

– Замерзла, моя маленькая? Пошли скорее в здание! Без чая я тебя сегодня точно не отпущу, моя красавица!

И опять вспыхнуло в сознании сигнальное предупреждение: «Беги! Ты предаешь Валерку, если тебя не пугает это властное притяжение незнакомое запаха мужской резкой воды, горечь сигаретного дыма и обволакивающий жар чужого тела!»

Дмитрий сам выпустил ее из своих объятий:

– Прости, девочка, забылся! Рядом с тобой легко голову потерять!

Свой испуг от вдруг проснувшегося желания постоянно видеть Дмитрия, слышать его голос, общаться ежедневно Злата искусно скрывала, но впервые с ней познакомилась бессонница.

Воображение будоражило кровь. В темноте комнаты она слышала спокойное сонное дыхание Ирмы, а сама, словно плавала в раскаленном плену легкого одеяла, отыскивая уютную щелочку, чтобы оттуда захлестнуло ее юное тело волнующее тепло привычных сновидений. Но в черноте уснувшего дома опять беспокойно всплывали отдельные фразы, смех Дмитрия, как наваждение, бред прошедшего дня, даже без намека на сон.

И предстоящие уроки, и письма Валерия улетучивались в такие минуты, а ясность не желающего отдыхать мозга переплавлялась неожиданно в отчетливое и понятное стремление: «Мне его нужно обязательно увидеть завтра!». И, незаметно укачиваясь на этой волне сформулированного желания, к ней вдруг приходило успокаивающее ощущение покоя и счастья.

Но уже в конце октября Дмитрий заявился вечером без предупреждения прямо к ним домой с большой спортивной сумкой и торжественно вручил девчонкам большого лохматого игрушечного зайца, рыжую лежащую собаку и белого мягкого огромного медведя с красным бантом.

– Это удивительно, уважаемая Анна Александровна! Знаете, а ведь можно, если захочешь, привыкнуть к идиллии вашего сельского зазеркалья, к тишине и сосредоточенности вечерних улиц, уважительности и неприхотливости окружающих людей, если рядом с тобой будет понимающий и любящий тебя человек. Но мне придется подождать в городе, пока моя избранница подрастет. Можно я вас всех дружески обниму?

И Злата, уткнувшись носом в теплый свитер Дмитрия, словно навсегда впитала этот такой характерный запах каких-то дорогих сигарет, впервые ощутив непонятное смущение и влечение к живому нетерпеливому телу взрослого мужчины.

Глава 9. ЗНАК ВОДОЛЕЯ

Новый год отпраздновали скромно, дома. Мать на «Скорой помощи» привезла небольшую сосну из лесхоза, где три года назад работал не по специальности, а простым трактористом отец, но, где его всегда вспоминали добрым словом. О разводе знали только две семьи – соседи во главе с тетей Любой и семья подруги Лиды.

Сосну нарядили, как и прежде, в доме поселился запах скорого праздника, но мать поставили дежурить в предновогоднюю ночь. Вернее всего, она просто не отказалась сама, чтобы укрыться в суматохе привычных вызовов от щемящего чувства одиночества, ненужности когда-то любимому человеку, который замолчал, изредка присылая небольшие суммы на девочек. На суд мать в Москву не поехала. Написала заявление о согласии на развод и об отказе от алиментов, заверила у нотариуса и отправила заказным письмом.

Валерий прислал в конверте опять короткую записку, и Злата поняла, что его часть находится где-то вдалеке от больших населенных пунктов, где в простом почтовом отделении можно было свободно выбрать яркую новогоднюю открытку на любой вкус.

«Злата, – писал он, – мы живем в такое непредсказуемое время, когда даже верховные руководители не знают, что будет завтра утром. Вас, в деревне, может быть, минуют все эти ветры перемен, но думаю, что армию они точно затронут. Жизнь постоянно строит нас, таких наивных, домашних мальчиков, которые витали в своих прекрасных мечтах, что мир крутится только вокруг нас, ради нашего благополучия и тщеславия. Все намного сложнее. Но я рад, что у меня есть такой друг, как ты, который меня, я надеюсь, не забудет. Я постоянно тебя вспоминаю, особенно, как мы стояли на бугре над рекой, и я так тебя и не поцеловал. Но я загадал, что раз ты была со мной, мы всегда, на всю жизнь, будем вместе. С Новым годом, Злата. Люблю тебя. Твой Валерий».

Это письмо мать нечаянно прочитала. Полезла взять на письменном столе чистую тетрадь в клеточку на рецепты, и из дневника выпал конверт. Мать, конечно, письмо прочитала, аккуратно положила на место, но во время ужина проговорила, спросила вроде равнодушно:

– Ну, а что тебе Валерий пишет? – И тут же покраснела, отвернулась к плите.

А Злата ответила спокойно, словно давно ждала этого вопроса:

– Я его люблю, мама.

Продолжения разговора не было. «Парень далеко и надолго, так что глупостей не надеются. А когда вернется из армии, Злата успеет закончить школу. В случае чего, породнимся с соседями. Люди хорошие, друзья».

Боль при воспоминании о муже запряталась где-то в закоулки памяти, откуда ей строго-настроено было приказано не появляться. Даже когда осенняя ноябрьская хлябь заполонила всех в свою беспросветную, отчаянную безысходность. И сломавшееся домашнее паровое отопление полетело не вовремя к черту, и сварщик запросил сумашедшую сумму, и негде было достать для замены металлические трубы.

И стало вдруг так жалко себя, что где-то проглядела, не сумела уберечь свою семью от напасти, терпеливо дожидаясь лучших времен, как будто деньги, заработанные Тарасом в Москве, могли заменить детям постоянную отцовскую ласку, а ей – его горячие поцелуи и нежность, когда он шептал, разгорячившись, в темноте спальни: «Ты все равно родишь, Анечка, мне пару сыновей. Должна обязательно родить, ведь мы с тобой не случайно встретились на этой Земле. И я люблю тебя, мое солнышко, и хочу тебя, как в юности».

А теперь все в прошлом. Убежало счастье за высокую горку. И нужно было, закусив губу, перестать себя жалеть. Где-то в журнале прочитала: «А основных инстинктов у нас два – пищевой и половой. Постарайтесь все же, чтобы дух и разум взяли верх». Нужно было жить ради детей. И верить, что судьба не будет жестокой к ним.

И ведь все невзгоды постепенно разрешились. Младших детей забрала тогда из холодного дома в другое село верная подруга Лида, тоже озабоченная своими проблемами.

Трубы и сварщика с его тяжелым снаряжением вечером привез на тракторе с тележкой неустойчивый Александр. Они варили отопление всю ночь. Мать часа на два прилегла, не раздеваясь, под тяжелой старой шубой, а Злата ушла ночевать к соседям.

Ей постелили на диване в комнате Валерия, куда она, стесняясь, никогда не заходила, и полночи она обнимала подушку, на которой он спал, а потом проспала, и они с Ольгой собирались, как угорелые, забыв половину нужных учебников, и бежали под одним зонтом, скользя и чуть не падая, по расквашившейся земле. К первому уроку успели уже под трель старинного медного колокольчика, который трясла на пороге для всех опаздывающих недовольная техничка. Ирма пропустила два учебных дня по уважительной причине.

В канун новогодних праздников пришло письмо от Дмитрия:

«Злата, представляешь, я – старомодный житель городского вертепа, – решил после своего возвращения, как было модно в прошлых столетиях, завалить тебя письмами. Сел важно за письменный стол, и пауза. Разучились мы писать письма любимым, вернее, никогда и не умели. Этот жаргон на все ставить „Класс!“ обесценил наши чувства так, что поблекли и застыли в горле прекрасные слова любви. Честное слово, я хочу снова в вашу поликлинику, чтобы видеть тебя каждый день после работы, твой испуганный, любопытный взгляд. Чтобы скорее наступил, наконец, тот момент, когда ты разрешишь мне распушить, расплести твои чудесные косы и увидеть тебя в облаке ослепительных, золотисто-каштановых волос. Пока же наши жизни летят мимо друг друга по невидимым параллельным прямым, но, я надеюсь, что, как в геометрии Лобачевского, наши параллельные обязательно где-то пересекутся. Улетаю на полгода в Германию на стажировку, отец постарался. И все это время буду для тебя далеким ветром, который тихими вечерами будет стучаться в твоё маленькое окно. Вырастай скорее! Дмитрий».

На это письмо не ответила, испугавшись даже своего мимолетного интереса, словно в мыслях уже невольно изменила Валерию.

Нужно было определяться. Двадцать четвертого января подоспел день рождения. В дневнике записала:

«Господи! Уже семнадцать лет! Порхаешь, витаешь в облаках, и страницы школьного дневника переворачиваешь с облегчением – ещё один день пережила. Обошлось! Не спросили по физике, по географии умудрилась ответить на пять. Что-то толковала по истории, просто отсиделась на литературе. Живешь, словно делаешь кому-то одолжение. Это только представить – семнадцатая весна будет, одиннадцатый класс на носу. А Маше летом стукнет четырнадцать лет – уже барышня. Екатерине – восемь лет. С ума сойти и не встать! Все торопила время – скорей бы повзрослеть! Дождалась!»

Еще раз прочитала гороскоп на себя, яркую представительницу Водолеев, относящуюся к вязу – «способный, владеющий собой, невозмутим, требователен к себе и потому не терпит чужих ошибок, заблуждений, недостатков. В профессиональной работе пользуется уважением и признанием. Внушает доверие. Натура благородная, отзывчивая, хотя бывает деспотична. Обладает чувством юмора. Жизнь планирует разумно».

В очередном письме Валерия, которое пришло в канун дня рождения, в морозный, какой-то звонкий день, когда после завывающей ночной метели солнце, сбросив на полчаса замороженную накидку облаков, подмигнуло хитро, позолотив заметенные сугробами улицы, было настоящее признание в любви:

«Злата, привет! Наконец-то, в твои семнадцать лет могу признаться тебе в своей любви! Видишь, как мне легко на бумаге доказывать свое восхищение тобой! Если честно, но твое с моей сестрой шушуканье, ваша вечная беготня меня совсем не трогали, пока однажды, в одиннадцатом классе, стоя у окна, я увидел тебя, входящую в нашу калитку. Ты была в осен-

ней куртке, с распущенными косами, такая очаровательная, улыбающаяся. Твое удивительное лицо, прекрасные глаза, твои губы снятся мне во сне. Наш волкодав Кеша тогда бросился к тебе, чуть не сбил с ног, стал на задние лапы и начал так радостно облизывать твои щеки, а ты его обнимала, как друга, и мне захотелось на минуту вдруг оказаться на его месте. Ты меня не видела, была искренней, неожиданной и желанной. С тех пор я стал незаметно наблюдать за тобой. Но в моем внимании ты не нуждалась. Вечно куда-то торопилась, летела, не смотря по сторонам. В юности, взрослея, как много внимания мы уделяем мелочам, словам, видим в случайных событиях какие-то пророческие намеки, предсказания будущего! Сейчас ты так далеко от меня! Но о тебе я думаю постоянно. У нас здесь, в лесу, нет увольнительных. Знай, что я тебя никогда не предаю! И ты будешь первой и единственной женщиной в моей жизни. С днем рождения! Твой Валерий».

Все пазлы встали на свои места. И невозможно передать словами картину неумейной радости Златы, свидетельницей которой стала Ирма, когда ее подружка чуть не порвала от нетерпения конверт, который трясущимися пальцами вытаскивала из заснеженного почтового ящика. Как целовала листок несчетное количество раз, а потом прыгала на кровати, сбросив сапожки, в застеганном зимнем пальто, в пушистой вязаной шапочке, тормозила и обнимала Ирму, всхлипывая: «Ирма! Он меня любит! И ничего мне раньше не говорил! Я сойду с ума от счастья!»

Отвечать на это письмо Злата не стала. И даже самой себе приказала – забудь! Этот вдруг появившийся, необъяснимый страх, что вдруг, в какую-то недобрую минуту произойдет сбой в четком размеренном течении ее такой недолгой жизни, и ее влюбленность, замешенная на уже привычной мечтательности, платонической любви к Валерию, как по мановению волшебной палочки злой феи, растворится в замороженном сумраке бесконечной зимы. И сразу тогда исчезнут смысл существования, упоение устремленностью в неизвестность будущего, и останутся обыденность и суэта приземленности прозябания на этой прекрасной планете. Злата испугалась слишком быстрого исполнения своей тайной мечты, вспомнив последнее письмо отца, когда обычный листок бумаги вдруг, как ураган, унес покой и надежды вроде крепкой семьи.

Написала кратко: «Можешь мне верить. Я тебя дождусь. Злата».

Глава 10. НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ЖИЗНИ

Учеба давалась легко по всем предметам, но требовалось время на все. И тут еще эта неожиданность, непредсказуемость спокойного вроде течения жизни. В дневнике записала:

«Моя мамочка точно не может жить без приключений. Утром, как всегда, убежала на работу пораньше. Застыла в дверях в своей черной приталенной шубке из искусственного меха, в белом пуховом платке – такая стройная крестьянка в черных замшевых дешевых сапожках на низком каблучке. Что-то еще хотела приказать, задумалась».

Мать показалась Злате такой молодой и привлекательной, словно девчонка, чуть старше ее самой. А если бы нарядить ее в шикарную легкую шубку с норковой шапочкой, в черные, до колен сапожки на высокой шпильке? Подумала: «Нужно еще скорее становиться взрослой, чтобы добиться положения, достатка и успеть порадовать мать, пока она не состарилась».

А вечером подвезли Анну домой на «Скорой помощи», как обычно, и она даже словом не обмолвилась. Была молчаливая и задумчивая, как всегда. За что тетя Лида ее всегда прикалывала:

– Ты, Анна, стихи, что ли сочиняешь? Вечно взгляд в себя. Мы уже не знаем, как тебя растормошить. Так и отцветешь безрадостно, как колючий татарник. Красивые у него цветки, но одиноко стоит в степи у дороги со своими колючками. Все смотрят удивленно и заинтересованно, но все равно проходят мимо. Ну, улыбнись, Аня!

Тайна того дежурства раскрылась только в канун праздника Советской армии.

Сугробы, наметаемые неугомонными февральскими метелями, заставляли девчонок по вечерам после уроков браться за лопаты. Злата чистила дорожки от крыльца до калитки и за воротами до проезжей части, а Ирме доставалась территория от крыльца до летней кухни и туалета.

В субботу Ирма уехала к себе домой, с ней увязались девчонки. Хлебом не корми, были рады вырваться из дома от обязательной уборки и мытья полов.

А Злата в воскресенье выскочила на занесенное снегом крыльцо и замерла: под замерзшим безрадостным солнечным кругом слегка серебрилась абсолютно нетронутая целинная свежесть неровных бугров заметенного двора и огорода. Вздохнула, начала расчищать метровые сугробы скрипучего, не улежавшегося снега. Работы было часа на два. Приличный морозец не смущал – через пятнадцать минут и в легкой осенней куртке станет жарко.

Неожиданно возле ворот остановился милицейский «Газик». Из него вышел высокий, где-то под сто восемьдесят сантиметров мужчина в теплом черном полушубке, в черной шапке-ушанке. В руках он держал закутанный в целлофан и газеты большой букет неизвестных цветов и круглую коробку с тортом. Он пролез прямо по сугробам к калитке, видимо, набрал полные ботинки снега, и спросил через забор негромко:

– А можно мне увидеть Анну Александровну?

Злата воткнула лопату в сугроб, открыла калитку:

– Проходите во двор. Я еще не успела тут почистить. Мама отдыхает после дежурства, но она уже, наверное, встала. Я ей сейчас скажу. Подождите, пожалуйста!

Она отряхнула веником снег с валенок, зашла в коридор, приоткрыв дверь в комнату, крикнула через порог:

– Мама, тебя хочет видеть какой-то незнакомый милиционер! Позвать его в дом?

Анна вышла из спальни, застегивая халатик. На одной щеке у нее отпечатался угол наволочки от подушки:

– Конечно, зови! Что-то случилось. Я сейчас быстренько переоденусь!

И когда Злата вышла во двор, то ахнула. Незнакомый мужчина сбросил свой полушубок, аккуратно положил его на перила крыльца и в теплом сером свитере и в шапке-ушанке резал кубы снега уже за калиткой.

– Заходите в дом, мама уже проснулась. А я сама снег почищу!

– Ну, уж нет! Давно я лопату деревянную в руках не держал. Пусть мама на стол накрывает. Чай с тортом пить будем ради знакомства.

Злата опешила:

«Этот дяденька, наверное, плохо знал ее мать. Сейчас она ему такое знакомство покажет, что от ее приема потом он без остановки будет шагать километр со своим полушубком под мышкой».

Злата опять заглянула в комнату вместе с клубами устремившегося в тепло морозного воздуха:

– Мама, выйди на улицу, а то он у нас уже полдвора от снега почистил!

Мать вспыхнула, разругалась, накинута на голову пушистый белый платок. Она уже успела переодеться в черные узкие брюки, красный самодельный, связанный ею самой свитер, сапожки. Видимо, подумала, что ее вызывают в отделение милиции по работе.

Она вышла на крыльцо и застыла, скрестив руки на груди, серьезная, недоступная. И Злата мгновенно сфотографировала удивленно-восхищенный взгляд этого незнакомца, которые он бросил на Анну, разогнувшись. Потом воткнул лопату в сугроб, подошел в снежной тишине молча к крыльцу и вдруг обнял неприступную мать за талию, стоя на снегу, на две ступеньки ниже ее со словами:

– Ну, здравствуй, моя дорогая спасительница!

И Злата ахнула про себя:

«Мать не вырывалась, а просто затихла в его руках на какие-то мгновения, и они стояли возле нее застывшие, словно изваянные из снега и льда».

Потом мать очнулась. Не завязанный платок упал на крыльцо, оба наклонились за ним, стукнулись лбами, рассмеялись. Незнакомец подал платок:

– Дорогая Анна Александровна! Вот тут в сугробе для вас расцвели посреди зимы розы и, наверное, вместе с тортом уже превратились в ледышки. Вы пригласите меня к себе в дом, или я им компанию составлю?

– Господи! Проходите, Леонид Петрович! Я после дежурства прилегла на часок, да и проспала до обеда. Чем богаты, тем и угостим.

– Я сейчас закончу за двором снег чистить и приду сразу. А эта красавица – ваша старшая дочь?

Мать обняла Злату за плечи:

– Да, это Злата.

Злата, смутившись, нырнула в коридор. Поведение матери удивило. У Леонида Петровича даже на первый взгляд было приятное интеллигентное лицо: выразительные, слегка прищуренные голубые глаза под низко нависшими широкими бровями, нормальный нос, тонкие губы. Когда улыбался, от носа к немного выдвинутому упрямому подбородку дугами выделялись заметные впадины морщин. Когда снял шапку на минуту, то Злата увидела коротко постриженные волосы, небрежно прилипшие от пота на лбу в виде растрепанного короткого чуба.

При ширине плеч и высоком росте он слегка наклонил голову, словно опасался зацепить за верхний косяк двери, когда входил в холодный коридор.

На кухне Леонид Петрович занял обычное место матери у окна, а она покорно села напротив него. А Злата схватила свою чашку с чаем и тарелку с куском ледяного торта и перешла к кухонному столу, на котором мыли посуду, резали овощи и стояли кастрюли.

От этого Леонида Петровича в кухне сразу стало тесно. Он оперся обоими локтями о стол, поддерживал голову ладонями и не отводил глаз от материнского лица, словно хотел получше рассмотреть его:

– Спасибо, Анна, что не растерялась и мгновенно отреагировала. Не каждый мужчина на такое способен. Эти мгновения вашей решительности спасли мне жизнь.

И тут Злата не утерпела:

– Что это за секреты у тебя, мама, от нас? Леонид Петрович! Скажите правду, потому что она от меня все скрывает. Считает маленьким ребенком. Ну, пожалуйста! Если это великая тайна, то даю честное слово, что от меня никто слова не услышит.

– Ну, если честное слово, то открою тебе профессиональный секрет. У нас в январе на трассе была погоня и перестрелка с преступниками, на машине перевозившими наркотики. Три человека – два бандита и милиционер-гаишник – были тяжело ранены. Вызвали «Скорую помощь», и приехала твоя мама с шофером. Мы захватили всех перевозчиков наркотиков, забрали у них оружие, скрутили. А когда твоя мама стала перевязывать одного тяжелораненого в грудь бандита, у него в руке вдруг оказался пистолет. Мы поспешили, невнимательно обыскали. И он прицелился в меня. А я всего в трех метрах от него в это время наклонился над вторым раненым. И твоя мама моментально выбила у него из ладони пистолет. Выстрел прозвучал сбоку от меня, никого не затронув. Вот такая у тебя, Злата, героическая мама! Анна, мое сердце у ваших ног. Делайте с ним, что хотите! Если вам будет необходима какая-то помощь, если будут проблемы на работе, с детьми, майор в моем лице всегда к вашим услугам. Живу я в областном центре, у меня большая квартира. Если нужно будет остановиться, переночевать – всегда буду рад вас встретить.

Злата не узнавала свою мать. Наверное, впервые после летнего и осеннего стресса она улыбалась:

– В меня ведь тоже стреляли, – она подняла до плеча рукав своего легкого свитера и показала шрам от пробившей насквозь мякоть предплечья пули в опасной близости от правой груди. – Тоже повезло. Хорошо, что пуля кость не раздробила. Все зажило. Я ведь сибирячка, выносливая.

Леонид Петрович перестал улыбаться, взял ладонь матери, пальцами прикоснулся к рубцу, посмотрел серьезно и сказал тихо:

– Да, Аня, тебе очень повезло. Где это тебя так отметили? – он не заметил, как перешел на «ты», и мать это не смутило. Она не отдернула руку, а сидела, подняв голову, и слушала не просто слова утешения, а понимания и сочувствия.

Злата, не доев торт, тихонечко вышла из кухни. Она почувствовала себя вдруг лишней. Они все очень любили маму, и естественно после развода матери с отцом инстинктивно все трое искали у нее еще большей любви, ласки, защиты, забывая, что мать тоже нуждалась в заботе и нежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.